

ДАНЬ ДЕК

ДНЕВНИК МОТОЦИКЛИСТА

Данни Грек

Дневники мотоциклиста

«Accent Graphics communications»

2014

Грек Д.

Дневники мотоциклиста / Д. Грек — «Accent Graphics communications», 2014

Если вы когда-нибудь останавливали взгляд на красивой и мощной фигуре мотоцикла, смотрели на мчащийся мотоцикл с восторгом, завистью или просто любопытством, мечтали так же мчаться с беспредельной скоростью, навстречу ветру и закатам; если втайне или явно желали купить эту опасную, но столь привлекательную игрушку, если близкий вам человек сходит с ума по байку – прочтите эту книгу, написанную со страстностью и реалистичностью во всех животрепещущих деталях. Становление личности, осознавшей свое место в мире через детские грезы. Любая мечта сбывается, если приложить некоторые усилия. Можно плыть по течению жизни, быть как все. А можно стряхнуть с себя всеобщую одинаковость, выскользнуть из паутины повседневности и устремиться к будущему, которое ты выстроил сам, не покоряясь привычному порядку и обстоятельствам. Наркотик адреналина, жажда бесконечной скорости и близкие, любящие люди, – как совместить это в одной, такой недолгой жизни. Настоящие друзья, истинное братство, которое может связывать только сливающихся в одном сумасшедшем движении мотоциклистов – и та, единственная девушка, которая отдаст за тебя жизнь или подарит тебе твое продолжение на этой Земле; ради которой ты можешь бросить всё, но только не верного друга из пластика и металла. Только он уйдет вместе с тобой по бескрайней дороге, в бесконечную даль небес.

© Грек Д., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Предисловие	6
Лето 2011	7
Детство	11
Первый...	16
Новые друзья	29
Неожиданное знакомство	37
Другая сторона	50
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Данни Грек

Дневники мотоциклиста

Авторская версия

Предисловие

Для кого-то тихая размеренная жизнь это и есть предел мечтаний... Для кого-то... Но не для меня...

Просыпаясь с утра, медленно потягиваясь и пытаюсь попасть ногами в тапочки с первого раза, вы нахмурено смотрите на взбесившийся будильник и с тягостью отрываетесь от своей еще теплой кровати. Блуждая по квартире на автопилоте, в поисках скорей всего себя, а не чайника, вы вспоминаете вчерашние вечерние планы на сегодняшний день, и с ужасом усталости представляете их воплощение. Одним глазом вы смотрите утренние новости, а другим подмечаете, сколько осталось кофе у вас в кружке, ну а потом, глядя на часы и понимая, что уже опаздываете, вы быстро одеваете свой помятый повседневный наряд и на ходу, завязываете шнурки на своих запыхавшихся ботинках. Вы выбегаете из своего заспанного царства, в сопровождении щелкнув дверным замком, и через несколько спешных шагов вы уже выходите из парадной подъезда, не замечая ничего и никого вокруг. Просчитывая поминутно свой новый день и каждый свой последующий шаг, вы в глубине души понимаете, что он будет точно таким же, как и вчера, но все равно тешите себя иллюзиями на новую жизнь. Вы садитесь в свои машины или скрываетесь в переходах метро, мчитесь по своим делам, по встречам, по офисам и предприятиям – руководить или подчиняться. И так же вечером, садясь за руль своей машины или протискиваясь через толпу в подземке, вы едете домой, записать еще один скучный день в свою тихую, размеренную жизнь. Так день за днём, год за годом. И это становится важным для вас, и это вы называете жизнью, потому что другую вы просто не примете. Каждый день, ругая себя за обыденность, с безумным нежеланием принимать что-то новое, вы считаете минуты до своего любимого сериала, ненавидя себя за то, что не стали теми, кем могли бы. Ну а к старости на ваших антресолях из воспоминаний можно найти километры пленки из таких дней, которые можно пролистать за один час, лишь изредка останавливая эту перемотку. Грустное кино, всегда с одинаковым концом, где вы стары и немощны, и очень редко счастливы. Вы проживаете свою жизнь в надежде на счастливую старость, но лишь единицы из вас могут сказать об этом, не отводя глаз, остальные же неловко их спрячут, пытаясь откопать в своих воспоминаниях хоть что-то, что заставит глаза заблестеть вновь, как тогда, когда у вас была мечта. Но даже если вы вспомните, это не вернет вас назад, как бы вы этого ни хотели, и вам останется лишь сожалеть о том, что не сделано, или вновь обмануться и согласиться с тем, что вы все сделали правильно, и у вас было все то, чего вы так хотели, ну а мечты – это просто невоплотимые в жизнь фантазии, которые уже давным-давно пора забыть. Быть может, в этом есть доля вашей правды, или доля того, что можно смело назвать вашим спасением, и я не вправе вас за это судить, но я уверен в одном, что хотя бы раз каждый из вас признался себе в том, что иллюзия – это как раз вся ваша жизнь, а истина потерялась много лет назад тогда, когда вы были по-настоящему, счастливы, только лишь от мысли о своей мечте.

Каждый из нас сам выбирает, что важнее для него. И каждый проживает свою жизнь так, как ему подсказывает сердце...

Лето 2011

Дорогу сильно заливало дождем, мгновенно превращая ее в черное полотно моих несбывшихся надежд...

Эти капли воды как огромные горошины, высыпанные кем-то с небес, разбивались об асфальт и, оставляя о себе лишь воспоминания, моментально превращали дорогу в черное кривое зеркало, которое отражало в себе лишь небо. Серое, мрачное небо, висящее так низко, что, казалось, если выпрямиться, то я легко дотянусь до него рукой, но сейчас эта рука выкручивала ручку газа до отказа, оставляя всё далеко позади, без вариантов на возвращение. Своей печалью и грустью это небо заложило всё вокруг, скрыв за собой так любимый мной огненно-желтый шар, что всего несколько минут назад светил ярче самых ярких ксеноновых фар, но за мгновение был спрятан от меня кем-то, кого я не видел, но ощущал каждым сантиметром своей души. Чистые небесные слезы, выращенные на смоге и пыли моего города, продолжали растекаться по асфальту лужами, стекая с обочины в водосточные канавы, что никак не могли напиться ими. Мокрая дорога в никуда – вот что это было. Она уводила меня, гнала прочь из этого города небоскребов, повседневных иллюзий, безымянных глаз и миллионов судеб, подгоняя меня в спину шквальным ветром, словно я был для него самым нежеланным гостем, что уже и так слишком надолго здесь задержался. Этот город прогонял меня всё дальше и дальше от тех, кого я любил, и тех, кого ненавидел, от всего того, чем я жил и во что верил все эти годы. Они оставили мне лишь свои голоса и уже затертые памятью лица, которые прозрачной лентой застыли перед моими глазами. Все события, связанные с ними, все их образы и разговоры сложились в короткометражные фильмы, что теперь стали крохотным огоньком, пылающим у меня внутри. Кадры, отснятые моим прошлым и сдублированные моим настоящим – вот всё то, что у меня осталось. Я – проигравшийся шулер своей жизни, который обманом решил взять банк, думая, что он всесилен, и проигрался весь сполна, поставив на кон всё то, что имел. И теперь мне нужно было исчезнуть, оставив этот город, и оставить в нем самое дорогое, что у меня было. В его переулках улиц из перекошенных домов, в его маленьких скверах и на огромных площадях, в его мигающих вывесках и, конечно, в одиноко горящих ночных окнах, все оставалось там, с каждым новым метром отдаляясь от меня с молниеносной скоростью. Этот город никогда не любил проигравших, а я оказался именно таким. Боясь оглянуться, я ринулся бежать, что есть сил, бежать и бежать, бежать без оглядки и скрыться там, где все встанет на свои места, где во всем этом будет свой смысл, где я пойму то, что, кажется, невозможно понять никогда.

Выбираясь из этого города, я направил свой байк по этому полотну незнакомой мне дороги, которая казалась бесконечной. Я не знал, куда она меня приведет и что мне покажет, но я точно знал, от чего она меня избавит. А должна она была меня избавить от моих воспоминаний, от дорогих мне людей, их лиц и их образов и, самое главное, от их голосов, что звучали сейчас вокруг меня, но с каждым новым метром становились все тише и тише. Треском раздаваясь у меня в ушах, в сопровождении отражений лиц на обратной стороне визора, эти произносимые звуки меняли свою тональность, словно пытаюсь меня остановить, но я бежал, бежал как отбившийся от стаи волк, потерявший запах своих соплеменников и знающий, что уже никогда его не найдет. Мотор моего байка ревел, и мы были с ним как одно целое, напоминающая загнанного в угол зверя, который уже смирился со своим поражением, но никак не может покориться. Огрызаясь и скалясь, мы всем своим гордым видом показывали, что нас не запугать и уж точно не сломить. Нас не остановить, меня не остановить, я потерялся в этом времени, и мне нужно все изменить, но пока я не имел и малейшего представления – как. Нам обоим терять уже было нечего, да и некого, все осталось позади, а впереди меня ждала сплошная неизвестность, которую я выбрал еще давно, сам, сам того не понимая. Оставив позади свою

любовь, свой дом, своих родных и близких, и всё то, чем я так дорожил и чему верил, я стремился к этой неизвестности, вжимаясь в черный пластмассовый полуoval, словно прижимаясь к самому дорогому мне человеку, но он был лишь моим продолжением, оказавшись единственным, что было сейчас рядом со мной. Лошади, заключенные в его железную коробку в пластиковой оправе, помогали мне, уводя меня далеко за горизонт, такой новый и совершенно непонятный, словно нарисованный на огромном листе ватмана, но единственный, что было по-настоящему реальным здесь. Сейчас они работали на полную мощь, как четко отлаженный механизм, уносивший меня прочь от того прежнего меня, от которого уже ничего не осталось, кроме непонятной формы человека из оболочки, воспоминаний и мыслей, который просто едет, сам не зная куда, и не понимая – зачем. Я проносился мимо вековых деревьев словно по зеленому коридору, рассекая этот холодный, еще летний воздух со скоростью ветра, меня уже ничего не могло остановить, только если бы это был сон, в котором я мог легко проснуться. Но, к моему сожалению, это не было сном, и я отчетливо это понимал, это была самая настоящая реальность, в которой мне оставалось еще жить и жить, с каждым новым днем свыкаясь со своим новым статусом.

Быстрее! Еще быстрее! – гроыхало в моей голове, и я все больше откручивал ручку газа, пытаюсь заглянуть за горизонт, но словно оставался на одном месте.

Когда же уже кончится этот проклятый дождь?! Когда я выскочу из его таких крепких, но совсем ненужных мне объятий?! – доносилось из моего нутра, вырывалось с хрипом в моем голосе, но дождь все продолжал идти, заливая всё вокруг меня, и с каждой секундой беспощадно смывая с меня все то, чем я так дорожил.

«Где же свет?! Когда я, наконец, увижу этот, чертов свет!» – всё громче и громче хрипел я, удаляясь все дальше и дальше, не оглядываясь и не веря всему тому, что происходит со мной. «Неужели и он отвернулся от меня?!» – продолжая хрипеть, на секунду замолкая и вновь продолжая, я словно надеялся получить ответы на эти вопросы без адреса.

«Я ничего не знаю! Я уже ничего не хочу знать!» – кричал я, так и не услышав ни одного ответа, но всё равно продолжая свой путь, рассекая эти огромные лужи, словно быстроходный катер, заблудившийся в необъятном океане.

Мотор моего мотоцикла уже давно работал на пределе, но и этого мне было мало.

«Быстрее! Еще быстрее!» – и на спидометре уже казалось вечность как зависли эти три конечные цифры. «Еще быстрее! Разве это и есть твой предел! Разве это всё, на что ты способен!» – не глядя на дорогу, а застыв над этими цифрами и ненавидя их, я уже совсем еле слышно продолжал свой монолог, слившийся с этим черным быстрым пятном воедино. Я уносился всё дальше, даже не думая ослабить ручку газа, и мой верный друг помогал мне что есть сил, не обращая совершенно никакого внимания на эту непогоду.

Эта вечность, казалось, граничит с этой дорогой, заключив, давным-давно, негласный договор друг с другом, а я, не глядя, подписал его, и теперь мне нужно выполнять мои обязательства, а ведь я даже не знал, как. Станный договор двух одиночеств, которых свели обстоятельства и выбор, выбор, сделанный мной, так что теперь винить уже было некого да и незачем, мне просто надо было двигаться дальше.

Дорога, казалась бесконечно прямой, с подъемами и спусками, в окружении могучих зеленых провожатых так похожих на молчаливых наблюдателей, которые, так же как и наши близкие, всю жизнь смотрят на нас, смотрят на наши взлеты и наши падения, дарят нам овации и отводят свой взгляд, стоит нам потерпеть фиаско, с разницей лишь в том, что эти наблюдатели всегда молчаливы.

В моем зеркале уже давно скрылся мой город, к которому я был так привязан. Где-то там за горизонтом он исчез, так и не попрощавшись со мной, да и я тоже ушел, молча, как подобает настоящим джентльменам, лишь кивком головы в шлеме показывая ему свое уважение.

«Быстрее, еще быстрее!» – повторял я снова и снова, а вокруг меня давно уже все напоминало размытую картинку, которой я никак не мог насытиться, прижимаясь к баку все сильнее и сильнее. Но вдруг резкая боль пронзила мою грудь так, что стало невозможно сделать подобие вдоха. Эта была боль отчаянья, что намного хуже физической боли и может ныть внутри нас неделями, слагая из них месяца, а месяца могли легко перерасти в года, где каждая новая минута была так похожа на предыдущую, а ты даже не в силах заставить себя разорвать этот замкнутый круг. Разрывая себя изнутри так, что ни один доктор не сможет поставить правильный диагноз, ты постепенно превращаешься в нечто злое, ненавидящее все вокруг; но не стоит забывать, что этот выбор ты сделал сам, и остается лишь смириться с ним, продолжая жить дальше. Потому что это всего лишь справедливое продолжение того, что ты смог достичь сам, и чем раньше ты это поймешь, тем будет легче в твоём неизвестном будущем.

Я стал медленно сбавлять скорость, пытаюсь начать дышать заново и, в конце концов, остановился на обочине. Как по щелчку пальцев пустынная дорога оживилась, и все приобрело свои цвета, хоть и с серым отливом. Вокруг меня вновь стали ездить машины, а из-за тучных облаков стало проглядывать то самое солнце. Дождь перестал лить, словно последний раз, и меня понемногу стало отпускать это жжение внутри, но я знал, что теперь оно со мной навсегда, и это облегчение тоже временно, как и всё на этой земле. Я снял шлем, облокотился на байк и первый раз за все это время посмотрел туда, где все начиналось. Легкий озноб, охватывающий меня, постепенно стал угасать, а то, что горело внутри, уже практически не чувствовалось, и в мою память вновь нахлынули приятные воспоминания. Воспоминания из детства, воспоминания о юности, добрые улыбки моих родителей и нежные, до боли любимые её глаза, вызывающие своим присутствием во мне только бесконечную теплоту.

«Воспоминания? Неужели это единственное, что у меня осталось?» – молча вглядываясь в горизонт, я не переставал задавать себе эти вопросы, уже зная ответы, но так и не желая их принимать. Я смотрел в сторону родных мне улыбок и родных глаз, в сторону той своей жизни, что так круто изменилась за какие-то последние несколько часов, в сторону того, что я посчитал просто злой шуткой, а не своим новым настоящим, в сторону самого себя, а точнее, того, что от меня там осталось. И теперь мне нужно было лишь попрощаться со всем этим.

Дождь продолжал идти, с каждой секундой теряя свою значимость и становясь незаметным для меня. Он все так же мыл эту дорогу, смывая с неё пыль на обочину, а я все так же смотрел в этот горизонт, за которым скрылся мой родной город и все те, кого я так любил.

«А может, мне всё же вернуться?.. Может, продолжить жить там и, сохраняя свою веру, смотреть на дорогие мне лица?.. Может, мне всегда быть рядом с ними?.. И увидеть их будущее?» Гнев, на самого себя сменило сомнение, но оно не могло уже ничего исправить, и вскоре я должен был двигаться дальше. Я уже полностью слился с этой серо-зеленой картиной, но всё же продолжал стоять, пытаюсь оттянуть момент прощания как можно дальше. Я смотрел и думал, окунаясь в свои воспоминания и никак не мог понять, где я совершил свою роковую ошибку, ведь для того, чтобы двигаться вперед, надо было отпустить своё прошлое, а для того, чтобы отпустить, надо было хотя бы попытаться понять.

Без прошлого никогда не будет будущего, а наше настоящее это всегда следствие нашего выбора, который мог быть сделан много лет назад.

За те несколько минут, проведенных в той немного суетливой, серой, мрачной тишине под звуки дождя и редких, проезжающих мимо меня машин, я отмотал свою пленку к истоку, к тому, с чего все началось, и теперь оставалось только отпустить, чтобы без сожаления продолжить свой путь. Дорога звала меня в неизвестность, а город за этими холмами, так решительно изгнавший меня, всё никак не мог попрощаться со мной; точнее, это был не он – как бетон может кого-то держать – это были люди, жившие среди этого бетона. Меня держали именно они, но я оставил их, не спросив разрешения на исчезновение, впрочем, как и на то, чтобы

остаться среди них. Но это было уже неважно, и несмотря на всё это, мне нужно было двигаться дальше или просто раствориться в этом монотонном пейзаже, что с легкостью меня бы принял.

Я изрядно подустал, и мне нужен отдых, обычный человеческий отдых, на который я имел полное право. А когда я разложу все по полочкам, быть может, всё изменится, и я вернусь, я обязательно вернусь...

Те минуты, что я стоял на обочине, размышляя и обдумывая; всё то, с чем меня столкнула жизнь, превратили дождливый день в медленно наступающий вечер, скрывая за горизонтом выглянувшее на мгновение из-за туч солнце. Оно блеснуло всего раз, но и этих нескольких секунд мне было достаточно для того, чтобы вновь поверить и улыбнуться хотя бы ему. За линией, скрывающей за собой мой город, наступал вечер, и в домах поодиночке зажигались огни, создавая на небе северное сияние огромного мегаполиса. Там, как и всегда, было шумно: множество людей, всегда удивляющих меня своим однообразием и в то же время непохожестью; множество машин, сигнализирующих и моргающих, спешащих по своим домам; множество того, к чему я так привык за эти годы и так не желал отпускать. Но всё было кончено, и мне нужно было двигаться дальше, продолжая писать своё будущее. Я махнул рукой в их сторону, сказав про себя: «До свидания» всем тем, кого любил, сел на мотоцикл и еще раз попытался увидеть все это великолепное небесное зарево в зеркале заднего вида, но как бы я в него ни вглядывался, в нем было пусто. Поворот ключа, и в воздухе вновь загремел мой оркестр, уже никого не пугающий, но до сих пор самый громкий из того, что могло повстречаться здесь.

«Прощайте... Нет!.. До свиданья!.. До скорого свиданья!» – пронеслось в моих мыслях, ведь я просто не мог подумать иначе. Сцепление, щелчок коробки, газ – всё как и прежде работало на уровне инстинктов, будто я был всего-навсего запрограммированный робот, но у робота нет воспоминаний, эмоций, чувств; робот никогда в жизни не сможет полюбить – и только это говорило мне об обратном, это говорило мне о том, что я еще живой...

Бесконечная дорога с её бесконечным выбором, как вечная борьба добра и зла, но мне это уже не страшно, ведь я знал правду, пускай и такую горькую.

Это был мой путь, который я выбрал сам, а остальное было уже неважно... Ведь эта история началась задолго до этих событий... И мой рассказ будет отличным тому подтверждением...

Детство

Я – мотоциклист, нет, не путайте, не байкер, как многие нас называют, а именно мотоциклист – наркоман скорости, мальчишка в кожаном комбезе и тонированном шлеме, самоубийца, смертник, добровольный камикадзе или как угодно еще – всех наших названий не перечесть, да и сути это несколько не меняет. Я пролетаю мимо вас на непостижимой вашему уму скорости и мне всё равно, что вы говорите мне вслед и какими взглядами провожаете, я тот, кто получает безграничное удовольствие от того, что вы называете безумием. Многие не понимают меня и таких как я, но на это их право: каждому своё – кому теплые тапочки и горячий ужин жены, а кому пропахшая бензином одежда и остывшие тосты в закусочной. Я одержим всем этим, одержимый маленький двадцатисемилетний мальчик, поменявший все свои ценности на бензин в баке и рев мотора в красной зоне. Помешанный на адреналине в своей крови, я ежедневно наматываю километры жизни на своем спидометре, и минута такой жизни бывает ярче многих ваших лет, что, к сожалению, вам никогда не испытать. Незабываемые ощущения, драйв, прогулки от точки «А» до точки «Б», дружественные приветствия таких же, как я, и совсем не дружественные взгляды людей, застрявших в пробке – вот, наверно, самая малость того, что можно подчеркнуть у моего диагноза, но это всего лишь верхушка. На самом деле это как воплощение мечты, а кто из нас не мечтал хотя бы раз стать чуть более свободнее, чуть более уверенней и немного живее, хотя бы на самую малую часть наших огромных возможностей, но наш страх подводит нас чаще ржавой тридцатилетней иномарки, что готова завестись даже в самый лютый мороз. Мы идем у него на поводу, боясь признаться себе в этом, и наши страхи на этом не заканчиваются. Мы боимся многого. Боимся признаться себе, что очень часто мы похожи, на большое пугливое стадо, живущее, отнюдь, не по своим законам, а тем, что было навязано; и всё, что нам остается, это лишь обвинить всех выскочек в их неправомерности, даже не задумываясь о том, что решать это не нам, а тому, кто делает выбор.

Вот и у меня в своё время был выбор, выбор того, что вновь заставило биться моё сердце чаще, пускай и имя этому «грань», но этот выбор я сделал сам, а осуждать меня или нет – на это вы имеете полное право, но прежде чем это сделать, задумайтесь, кто вы сами.

Выбор быть на грани стал сродни выбору яркого пиджака, что толпа в черных нарядах никогда в жизни не примет, и тебе остается либо повесить его в свой шкаф, либо продолжать ходить в нём, привлекая к себе всё больше внимания. И мой яркий пиджак, сделанный из кожи австралийского кенгуру не по лекалам «кутюрье», а по лекалам мотогонщиков, был сшит совсем не для того, чтобы он висел в моём шкафу, ведь я выбирал его для жизни, пускай и непонятной вам, но всё же жизни.

Так устроен мир, либо ты как все, либо ты отдельная единица, без боязни заявляющая об этом каждый день, пускай и молча, но отчетливо и понятно так, что ни у кого не остается вопросов, кто ты. Потому что проживая свою жизнь на грани и совсем не боясь оступиться, ты получаешь радугу настоящих эмоций и чувств, без которых ты бы себя уже похоронил в серости своих будней, и тебе осталось бы только назначить дату своего погребения. Но это лишь моё мнение, а принимать его или нет – это уже ваш выбор...

Настало время отмотать пленку назад, туда, где всё начиналось, и отмотать придется немало...

Будучи еще совсем юным, я рассматривал глянцевые журналы с железными друзьями, которых инженеры называли мотоциклами, и влюблялся в них все сильнее и сильнее, мечтая, что когда-нибудь займю такого друга в своем гараже. Я всматривался в их каждую деталь, совсем не понимая, что написано под этими фотографиями мелким черным шрифтом на иностранном

языке; и представлял себя мчащимся по неведомым дорогам, обгоняя всех на своем пути, даже не думая тогда о том, что эти мечты через несколько лет станут реальностью. А что еще нужно ребенку в его семь лет: любовь родителей, теплый дом и, конечно же, мечты; и в этих мечтах были только я и ветер, развевающий мои белокурые волосы, бесконечная трасса и ни одной машины на моем пути, как в фильме «Беспечный ездок», хоть в то время мне дали посмотреть лишь отрывки из этого фильма, сославшись на то, что он для взрослых. Но даже этих нескольких минут моего детства у цветного экрана мне вполне хватало, чтобы представить себя вместо тех, двух «беспечных» людей, на том далеком асфальте, что окружали лишь пустыня и горы. На приглянувшемся мне одном мотоцикле из моих журналов, что уже по тем временам был наряжен в красочный пластик, я мчался к неизвестности, к тому, что маленькому мальчику не дано понять, но уже начинало завлекать, словно это было самое долгожданное путешествие. Я часами мог думать об этом, везде и когда мне было угодно, будь то вечер, и я уже лежал под одеялом, или в школе за партой перед букварем, совсем не слушая, что говорит мой первый учитель, или за обедом, не обращая никакого внимания на расспросы мамы; я думал об этом, когда хотел, и внутри себя улыбался, потому что это была моя маленькая мечта, которую я мог легко спрятать под свою подушку.

Я родился и рос в эпоху распада, когда все, что строили и вспахивали, стало вдруг чуждым и никому не нужным, и все решили, что всё это надо разрушить, чтобы построить на этом пепелище новую державу свободных людей. Это было время перестройки. Смутное время, с новыми идеями, новыми словами, обновленными людьми и их огромным желанием выровняться под чужую жизнь, показанную с экранов не всегда цветных, телевизоров. Вечные идеалы, повседневное равенство и веру в хорошее будущее легко сменили бразильские сериалы, «поле чудес» и вседозволенность, а то, что было за «стальным» забором, вмиг просочилось на улицы моего города, с каждым новым днем меняя его обличье до неузнаваемости. Именно тогда в нашу страну стали просачиваться импортные творения зарубежной автопромышленности, изумляющие своей красотой, и, наверно, это было лучшим из всего нового, что могло случиться с нами.

Как-то летним вечером, гуляя с отцом, я увидел такое творение, и это была не блестящая иномарка, что нахлынули в наш город, словно их заводы стояли в Подмоскowie, это был настоящий японский мотоцикл, тот самый, что я разглядывал часами на картинке. Я увидел его и обомлел, застыл как вкопанный, не веря своим глазам, и оставался стоять на месте, пока мой отец, ушедший немного вперед, не обернулся.

– Эй! Ты что там увидел? – вернул он меня своим голосом обратно к нам во двор. И прочертив своими глазами по линии моего взгляда, слегка улыбнувшись, сам ответил на этот вопрос:

– А... а, теперь понятно... Ну пойдем, посмотрим поближе, – протягивая руку в сторону мотоцикла сказал он, словно разрешая мне приблизиться к нему.

Через секунду, услышав такой призыв, я уже опережал его своими маленькими, но быстрыми шажками, не вымолвив и слова.

Припаркованный рядом с соседним от нашего подъездом, перед нами стоял огромный красный мотоцикл, одетый весь в пластик, с угловато-квадратной фарой и блестящими дисками. Из его боков торчали огромные оранжевые поворотники, от которых тянулись серебристо-черные полосы, четко подчеркивающие изгибы бокового пластика и уходящие куда-то под слитное черное кожаное сиденье, своим узором напоминающие геометрические фигуры, выдавленные на красном фоне, что вновь выныривали из-под сиденья и заканчивались уже где-то в хвосте. На баке было вылитое серебром иностранное слово «Kawasaki», а ближе к морде «zx-10», словно эти цифры были не названием модели, а оценкой его индивидуальности и красоты, о которой теперь должен был знать каждый. Ручки, ножки, подножки, зеркала, как квадратные лопухи, и никелированные трубы – у него всё было на своих местах, что я уже видел,

но лишь на бумаге, а теперь это всё стояло передо мной всего в одном метре. И в лучах летнего вечернего солнца он блистал своим великолепием, сверкал и переливался, приманивая к себе тамошних зевак, которых к моему маленькому счастью тогда не оказалось рядом.

Это сейчас я смотрю на этих прадедушек наших «спортов» и думаю, что дизайнеры тех лет были дровосеками, способными вырубать из пластмассового бруска лишь квадратные формы, тогда же это была непостижимая красота, и верх инженерной мысли, воплощенной на конвейере.

Мне хотелось подойти поближе, потрогать ручки, посидеть верхом, ну и, конечно, чтобы меня прокатили, но отец, стоявший рядом, никогда бы не позволил сделать это без разрешения хозяина этого блестящего чуда, и мне оставалось просто наблюдать за всем этим великолепием. Но вот на моё счастье из подъезда вышел коротко подстриженный мужчина лет тридцати, тучной комплекции, в кожаной куртке и темных очках. Он на секунду задержался рядом с дверью, похлопав себя по карманам, словно боялся что-то забыть, и, видимо, нащупав это, направился в нашу сторону. Это был именно он, и я почему-то сразу это понял, то ли по его уверенным шагам в нашу сторону, то ли по не совсем стандартной по тому времени куртке, но это понимание пришло в мою детскую голову сразу, как только я его увидел. Через мгновение он уже стоял рядом с нами, протягивая моему отцу свою огромную руку в обрезанных перчатках.

– Здорово, как жизнь? – обмениваясь рукопожатием, вымолвил он и, не выслушав ответа моего отца, сразу же добавил. – Видел, какую ракету мне подогнали? – подбородком указал он на это красное пятно, стоявшее рядом с нами.

– Да, сильный аппарат, – улыбнулся отец, взглянув на него так, словно ожидал, что разговор сразу перейдет к мотоциклу. – Сыну разрешишь посидеть?

Амбал огляделся по сторонам, словно опасаясь невольных слушателей, которые могут тоже обратиться к нему с такой просьбой, и остановил свой защищенный очками взгляд на мне. Он видимо даже не заметил меня с высоты своего немаленького роста, но приспустив очки на нос и открыв мне свои светлые блестящие глаза, тут же нашелся и уже смотрел на меня с неким уважением, как старые служивые смотрят на новобранцев.

– Это твой сын? – уточнил он, словно знал меня раньше, и тот образ шел в разрез с тем, что он видел сейчас. – Подросток, совсем большой стал, – сделав шаг, навстречу ко мне и похлопав меня по плечу, улыбнулся он. – Скоро у папки такой же просить будет. Ну что стесняешься, все свои, залезай.

Я растерялся такому, по-отечески доброму отношению и робко вымолвил лишь:

– Здравствуйте, – что тут же развеселило этого здоровяка.

– Воспитанный, – закончив свой секундный смех, подметил он, взглянув с уважением на моего отца, который тоже смотрел на меня, кивком головы показав мне свое одобрение.

Я робко подошел к мотоциклу вплотную, совершенно не понимая, как мне взобраться на эту огромную железяку, и тогда здоровяк обхватил меня своими огромными ручищами и усадил в нагретое летним солнцем седло.

– Ну что? Нравится? – придерживая меня рукой, чтобы я не свалился с этой полуметровой высоты, спросил он, и, убедившись, что я с трудом, но все же смог дотянуться до ручек, добавил. – Вылитый гонщик, осталось лишь немного подрасти.

Переполняемый чувствами детской радости, я не мог поверить своему счастью и вымолвить хотя бы слово. И теперь всё моё внимание было привязано к приборной панели с цветными лампочками, двум кружкам спидометра и тахометра и несколькими переключателям на руле.

– Ты посиди, а мы отойдем поговорить, – вклинился в нашу железную идиллию отец.

Хоть их присутствие и уж тем более разговоры меня мало волновали, но я все же кивнул ему в ответ, не отрываясь от цифр на спидометре, на котором максимальное число было триста километров в час, что никак не могло уложиться в голове второклассника.

Они отошли метров на пятнадцать, оставив меня наедине с мотоциклом, и теперь я даже мог тайком понажимать на немногочисленные красные клавиши, что я с удовольствием и сделал.

Отец поглядывал в мою сторону, боясь, что я навернусь с такой высоты, а я представлял себя все тем же одиноким странником, что мчится среди пустыни, обгоняя даже ветер. Я крутил послушную ручку газа и даже с открытыми глазами видел свои мечты, которые так бережно хранил под подушкой последние пару лет. И теперь даже отсутствующий ветер разрезал, этот дворовый воздух и бил меня по лицу. Я мчался навстречу неизведанному, непонятному и такому далекому, что даже перестал видеть свой дом, точнее он был, но вмиг стал огромной скалой, в которой был прорезан туннель, а не арка. Всё, что на тот момент успело вырасти в нашем дворе, вмиг испарилось, сменив свою невысокую зелень на песочный цвет пустыни, по которой ветер гонял клубы пыли, и нарисованная моим воображением трасса уходила за поворот. Она спускалась вниз, где передо мной открывалась красота техасской низины, все той же, как из отрывков увиденного мной фильма, который я всё же посмотрел, уже закончив школу. Я гнал этого красного зверя, по ней оставляя за собой лишь поднятый песок, и реальность на мгновение потеряла свою значимость. Вечернее солнце припекало мою спину, а огненный ветер обжигал мои руки так, словно это было на самом деле, но это были всего лишь детские мечты, которые, оказывается, тоже имеют свой срок, но могут вновь вернуться в нашу жизнь, даже через множество лет. Тогда же, в том далеком лете были только я и небо на горизонте, которое я пытался догнать и обогнать, скрыться за холмом впереди и снова рухнуть вниз – вот, наверное, всё, о чем я тогда мог думать. Дополняя эту картину рычанием, еле слышно издавая что-то подобное моторному звуку, я даже не заметил, как мой отец с амбалом вернулись, и мне пора было слезать с этого пестрого нагретого зверя, но они, молча, наблюдали за мной, словно боялись прервать мою игру. Каждый из них, быть может, представлял – что в моей голове, пытаюсь уловить мои мысли, но ни один, ни другой не смог бы увидеть той красоты и бесконечности.

– Ну, хватит, останавливайся, – оборвал мои мечты отец. – А то еще прокатить попросишь, – смотря мне в глаза и подметив такое желание, – добавил он.

Но тут в наш несостоявшийся диалог, не дождавшись моего ответа, вмешался амбал.

– Почему нет?! – возмутился он, словно на кону стояла его репутация. – Потихоньку ведь можно. Вокруг дома, а? Что скажешь, гонщик? – улыбаясь, как продавец в магазине детских дорогих товаров, быстро проговорил он.

Но я не успел ничего ему ответить, мой отец быстро обрубил все мои надежды на поездку.

– Маловат он еще для этого, вот лет через пять можно, – ответил он с изменившейся интонацией в голосе и, взяв меня подмышки, поднял с мотоцикла, опустив на землю.

– Ну, коли папка не велит, значит, нельзя, – улыбнулся здоровяк, совсем не удивившись такому ответу. – Подрастай.

– Обязательно подрастет, – согласился отец, совсем не понимая, как я на него зол, и мне ничего не оставалось, как смириться с этим отрицательным, не моим, ответом.

Детские обиды это так же нормально, как проигрыши в лотереи, и мой отец отлично это знал, так что моя съежившаяся спина для него не была открытием, так же как и то, что через несколько минут я отойду, но в том случае те минуты могли легко перерасти в часы.

Они пожали друг другу руки и попрощались, и вскоре мы пошли дальше, молча, так же, как и пришли, но я всё оглядывался и оглядывался, ожидая тот момент, когда здоровяк заведет свой мотоцикл. Обойдя его вокруг и не особо торопясь, он всё же уселся на него и, махнув мне рукой, повернул ключ зажигания. Вот тут раздался звук, которого я до того дня никогда не слышал, и этот гром еще долго звучал у меня в ушах, теперь я мог с легкостью определить это двухколесное чудо на дороге.

– Мощно, – обратил на себя моё внимание отец и, увидев мою детскую обиду, добавил. – Не грусти и никогда не торопись. Запомни это. Вырастешь, и у тебя будет еще лучше, я в этом уверен, – сказал он, словно прочитав мои мысли, которые всё также жили перед моими глазами.

Моя обида была намного сильнее отцовского одобрения, и я не смог ему ничего ответить.

Звук скрылся за поворотом дома, оставляя мне чувство детской досады и практически исчезнувшей злости, но тогда я не понимал и не осознавал всю серьезность ответа отца, из-за этого и злился, ведь мы все были когда-то детьми. Я надул губы и, молча, брел домой, опустив голову, а мой отец изредка поглядывал на меня и расплывался в доброй улыбке.

Он всегда пытался предостеречь меня от плохого и научить хорошему, пытаясь вложить самое ценное в мою маленькую голову, иногда резко, а иногда разжевывая, но всегда показывая мне, где черное, а где белое. Вот и тогда я этого не понимал, ведь это было моим детством, и это было весомым для меня оправданием.

Мы пришли домой, где пахло вкусным ужином, перемешанным с летним воздухом, гулял сквозняк, и мама что-то стряпала на кухне.

– Мыть руки, и за стол, – скомандовала она, услышав захлопнувшуюся за нами дверь. И нам ничего не оставалось, как последовать этому указанию.

Сидя за столом, мы с отцом лишь изредка поглядывали друг на друга, сохраняя полное молчание, которое очень быстро насторожило маму, и она тут же решила выяснить причину такого обета.

– Ну как прогулка? – с внимательной заинтересованностью спросила она, пристально глядя в мои глаза, словно ответ должен был быть бегущей в них строклой.

– Нормально, – выдавил я, косясь на отца. На что он лишь рассмеялся и даже не стал комментировать мой ответ, всем своим видом показывая комичность ситуации. Но мне было не до смеха, и я быстро запихал в себя оставшийся ужин, не проронив и слова. Встав и не сказав «спасибо», я побежал в свою комнату, и уже за спиной услышал переживающий голос мамы:

– Что это с ним? – спросила она у отца, так и не поняв, что случилось. На что мой отец коротко и гордо прошептал в ответ одно лишь слово:

– Взрослеет.

Что происходило дальше на нашей кухне, я не слышал, а голоса моих родителей проводили меня по коридору в мою комнату, постепенно затихая за дверью, где я вновь остался один на один со своими мечтами, детской обидой и бурей эмоций, что еще долго жили во мне.

Я выскочил на балкон и провел там весь вечер в надежде увидеть, как по дороге промчится этот красный расписной монстр, извергающий гром, но, так и не дождавшись, через несколько часов я ушел спать, в глубине души всё же надеясь, что он появится. И уже лежа в кровати, я еще долго прислушивался к уличным звукам, но там кроме редких машин и трели дворовых птиц больше ничего не было, а тот звук так и не появился.

Это было далекое лето девяносто второго, это было моё незабываемое детство, из которого я вышел тем, кем стал, а могло ли быть иначе, я уже не узнаю, ведь именно тогда я сделал свой выбор...

Первый...

С того первого незабываемого знакомства прошло уже много лет, и я быстро повзрослел, застряв на распутье взрослой жизни. С годами все мои детские мечты стали растворяться в суеете обыденности и легко забрасываться в долгий ящик событий, лишь изредка напоминая о себе грустными дождливыми вечерами. Они выглядели уже не так красочно, как в те беззаботные мгновения моей юности, и с каждым новым годом приобретали серый оттенок несбыточности, становясь черно-белым фильмом с ужасно потрепанными кадрами. Пыльные, отодвинутые на угол стола и никому не нужные, они походили на старую газету, пожелтевшую от солнца, с порванными по краям листами и совсем не свежими новостями, но, несмотря на всё это, они были для меня так же дороги и так же бесценны, как и много лет назад. Воспоминания и мечты – вот то самое теплое, что зачастую согревает нас холодными зимними вечерами, это то, что мы так лелеем и над чем так трясемся, доверяя их лишь избранным, и, конечно, это великий дар, который у нас никто не способен отнять. Это наши маленькие дети, выращенные в тепличных условиях нашей жизни, с пожизненной боязнью чужих. Они прячутся в колыбелях наших душ, лишь иногда вырываясь на всеуслышание, но и то, это скорее похоже на крик одинокого в лесу, чем на оратора перед многотысячной аудиторией.

К своим двадцати четырем годам я уже собрал множество таких альбомов с черно-белыми и только изредка цветными кадрами. Они смотрели на меня изнутри, толкая на громкие поступки. Крича воплями, они вырывались из меня наружу к всеобщему обозрению, но я уже был затянут по пояс в такие слова как ответственность и обязанность. Меня засасывала эта трясина под названием «размеренная жизнь», тащила за ноги, не оставляя места для мечты, и с каждым моим неповиновением всё сильнее и сильнее втягивала в плечи мою голову, не давая мне сделать следующий шаг. Но я его сделал, пускай, и не совсем уверенно, но все же сделал, даже не догадываясь о том, как этот шаг круто изменит мою жизнь.

Очень часто в детстве, все, кому не лень, нас поучали: «Так нельзя!», «Это тебе не нужно!», «Это опасно!», но мы все равно, тайком от этих учителей делали свое, набивая шишки на своих лбах и получая новые ссадины – нас нельзя было обвинить в безволии. Но с уходом нашего детства учить нас становится некому, и мы начинаем осторожничать, обкладывая себя каждым новым днем, новыми обстоятельствами, на которые проще всего сослаться, если твои глаза уже давно потеряли жизненный блеск. С младенчества, закладывая в нас чужое «нельзя» и чужое «плохо», от нас хотят итогов индивидуальности, а кем мы можем стать, если за нас уже все решили. Если ты еще лежишь в коляске и не сказал своё первое слово, а с тебя уже требуют дисциплины, и у тебя уже свой личный график, по которому ты должен жить ближайшие пару лет. Вы скажете, что же может решить ребенок, ведь он еще совсем мал, и с этим я не могу не согласиться, если бы не одно «но», то «но», которое легко можно назвать «моделью для жизни». «Модель для жизни» не имеет срока годности, не имеет пустых страниц и знает все ответы на все вопросы, потому что главное слово здесь «модель», которая собрана далеко не нами, так же как и не вами, и способна лишь всех поучать. «Не трогай! Это горячо!» – слышал еще мой прадед, пытающийся схватить своими маленькими ладошками огненный чугунок, и то же самое слышим мы, протянув руки к чайнику, извергающему пар. «Это нельзя, а это можно», «Вот так хорошо, а вот так очень плохо», – мы запоминаем это, даже ни разу не попробовав, потому что кто-то это уже попробовал за нас, а если даже и не попробовал, то срисует свой ответ с чего-нибудь подобного, пускай и очень отдаленного. Вы скажете, какой нормальный человек не остановит свое дитя от ожогов, и тут ваша правда, но дело далеко не в чугунках или чайниках, дело в том, что это касается всего, и это я называю «моделью», ведь понять, насколько больно обжигаться, способен только тот, кто хотя бы раз это сделал. Вот так и живем, передавая из поколения в поколение свод не наших правил как чужую поваренную

книгу, где нет места новым рецептам, а старые не всегда подходят к нашему обеду, но мы, морщась, всё равно это проглатываем.

И кем же станет человек, если за него уже все решили?

Неужели индивидуальностью, а не блеклыми отражениями с пустыми, безжизненными глазами? Неужели он будет способен идти наперекор серой толпе?

Я в этом сомневаюсь, а теперь в этом сомневаетесь и вы.

Я такой же, как и вы, и так же с детства жил по чужим правилам, с каждым новым годом обретая свой разум и опасаясь того, что стану одним из лиц в толпе, которое сложно запомнить. Я наматывал года и с ужасом представлял своё будущее, такое же безликое, и безвольное, как у большинства, и еще не достигнув двадцати лет я кричал, кричал внутри себя, что так не будет. Мне было грустно от наблюдения за покалеченными «системой общества» судьбами, которые каждый день я видел вокруг себя, от их безликих глаз, от их мелочных забот, мне было грустно от того, что я становлюсь таким же, как они, и мой протест уже не мог ужиться с моим молчанием. Моя душа рвалась к свободе, а тело затягивал быт, тот самый быт, что хуже любого тюремного срока, потому что он, единожды завладев тобой, никогда уже тебя не отпустит, приговорив заочно к пожизненному. И я это знал, но от этого знания мне не становилось легче. Мне оставалось всего каких-то пару лет института, и моё расписание на ближайшие сорок лет не заставило бы себя ждать: работа, дом, дети, семья, заботы и совместные праздники, но я не мог позволить себе такой «роскоши» и каждый день искал, как это исправить. Я умирал, и умирал я, как и все, начав со своего нутра, отодвинув свои мечты и заменив их такими словами как долг и обязанность, и будучи затянутый по пояс в эти, далеко не мои проблемы, я угасал, потому что не хотел такого будущего. Но система, которая слагает миллионы судеб, словно под копирку, никогда не отпустит новоиспеченного солдата, ведь для него уже было всё заготовлено еще в утробе матери. И, может быть, в моей жизни все сложилось бы именно так, но все изменилось тем весенним утром, когда я вспомнил о своей мечте.

К тому времени мне уже было двадцать четыре, и всё шло по плану: хорошая работа, с прогрессирующим карьерным ростом, друзья по выходным в баре до утра и отпуска у моря с недельными знакомствами, без обязательств. Всё как у всех, и всё как всегда, с грандиозными планами на будущее, без какой-либо перспективы на оригинальность. Многие мои друзья уже успели обзавестись семьями, и наверно, я бы был в их компании, если бы не одно но, то но, которое всё же жило внутри меня и не дало мне сделать тот опрометчивый шаг навстречу «судьбе». И теперь мне оставалось прожигать свою жизнь, немного отойдя от плана, что не могло не радовать меня, ведь хоть в чем-то я уже был не как все.

Копируя чужую жизнь, ты никогда не будешь счастлив, и только твой выбор может все изменить, вмиг доставив тебя на пьедестал или за мгновение скинув с него...

Тем весенним утром я проснулся очень рано, хотя накануне долго не мог уснуть из-за предвкушения нового судьбоносного дня. Я долго лежал под одеялом, укрывшись им с головой и слушая вечерние звуки за окном, решал, что важнее для меня, чего я хочу на самом деле от своей жизни, и почему мое отражение в зеркале все чаще стало походить на эту бледную серость улицы. Я размышлял, взвешивал все «за» и «против», вспоминая свои детские мечты, свои разочарования и те моменты, когда я по-настоящему улыбался, но как бы я ни пытался убедить себя в том, что моя жизнь полна как чаша, я так и не смог найти весомых тому доказательств. Нет, не подумайте, я был далеко не мрачным человеком и улыбался практически, каждый день, заполняя этой искусственной гримасой свое окружение, но это был обман, и с каждым новым смехом я отчетливо это понимал. Так, к моему сожалению, устроен весь мир, в котором мы стесняемся своих настоящих эмоций как проказы, и смеемся над не смешными

шутками, совсем забыв, что себя обмануть невозможно. И в этой молчаливой борьбе с самим собой я совсем не заметил, как вечер сменила ночь, а меня захватил крепкий сон, на жизнь которого было отведено всего несколько часов.

Меня разбудили судакащие воробьи на моем балконе, которые прыгали по его карнизу, словно циркачи под куполом цирка, и это представление было посвящено далеко не мне, оно было посвящено весне. Их щебетание и игра в солнечных лучах превращали то утро во что-то праздничное, и я был этому несказанно рад, потому что солнце и хорошая погода были как никогда кстати. Я открыл глаза и увидел эти лучи, пробивающиеся через темные шторы моей комнаты, и это был лучший знак. Знак, как призыв к действиям, к тем самым, что были намечены мной еще вечером, выиграв по всем показателям у моего сомнения.

Вот оно, долгожданное утро перемен, утро того дня, когда моя судьба должна была измениться. И еще лежа в своей теплой одинокой кровати, я уже начинал это чувствовать каждым сантиметром своего тела, пускай, и совершенно не осознавая этого. Для моих новых свершений оставалось совсем чуть-чуть, но тогда я совсем не знал, как и насколько все изменится, и какой путь мне теперь предстояло пройти. Тогда для меня существовало лишь одно слово, и это слово было «Мечта».

Я быстро поднялся с кровати, в два шага оказавшись рядом с темно-коричневыми плотными шторами, и еще не успев полностью раскрыть глаза, распахнул этот темный занавес, впустив в свою комнату обжигающее солнце, которое заставило меня еще больше прищуриться. Мои маленькие крылатые друзья не обратили никакого внимания на это изменение за окном, и все так же продолжали чирикать и скакать по парапету балкона, меняясь с вновь прилетевшими как в эстафете. Мне ничего не оставалось, как оставить эту щебечущую идиллию и проследовать вглубь квартиры, чтобы окончательно разбудить себя холодной водой на лице и горячим ароматным кофе.

Мои родители еще спали, и затемненный коридор был отличным тому подтверждением, и в этой дремотной тишине я не спеша прокрался до ванны, на секунду заглянув на кухню, чтобы щелкнуть кнопкой чайника.

Несколько минут я стоял в тишине, так и не открыв крана с водой, и вглядывался в свое отражение, разглядывая недельную щетину и морщинки вокруг глаз. Морщинки возмужалого юноши, который умел смеяться и хмуриться, который не хотел жить как все, и я смотрел сейчас на свое отражение как на совершенно незнакомого человека. На меня смотрел совсем другой я, уставший и измученный рутинной быта и постоянными фейерверками ночной жизни, от привкуса которой становилось тошно лишь под утро. Я знал его, я знал каждый его секрет, и мог наизусть пересказать всю его жизнь, но тот, кто смотрел на меня с той стороны зеркала, был мне чужим, точнее стал таковым, примерив на себя всеобщий облик. Лишь глаза все те же, детские зеленые глаза по ту сторону до сих пор сопротивлялись, сверкали и вновь тускнели, впивались в меня и тут же угасали. Они стали так похожи на ночную рекламную вывеску, провисевшую не один год на одном и том же месте, чьи цвета уже давно отличались от новых, местами запыленную, с перегоревшими лампами и скачущим напряжением – и мне становилось страшно. Ведь для нее за несколько минут могло все измениться, стоило заменить сгоревшие огоньки, вытереть пыль и добавить немного мощности, а для меня, нет, ведь в человеке нельзя просто так взять и заменить сгоревший элемент. В них, так же как и в детстве горел огонь, но быт съедал его каждый день, и еще немного, и он бы исчез совсем, но моя мечта спасала его, давая ему новую жизнь.

«Все измениться... Все просто обязано измениться...» – мелькало в моей голове, и я верил этому, потому что иначе просто не могло быть.

Я открыл кран, и из него брызнула вода. Все та же вода, из того же крана, что и пятнадцать лет назад, но за эти пятнадцать лет ее утекло много. И теперь, смотря на нее, я думал

о своих детских мечтах совершенно иначе, потому что я увидел в них свое спасение. Минута замешательства, и эта вода умыла мое лицо, смыв с него остатки сомнения.

И вот я уже собирался, впихивая в себя на ходу бутерброд и запивая его огненным растворимым кофе. Одевшись второпях и оставив свой недоеденный и недопитый завтрак на журнальном столике, я выскочил на улицу, где передо мной открылась удивительная картина весны. Она ворвалась в Москву так стремительно, что не прошло и недели, как весь снег растаял и превратил себя в журчащие ручейки. Я знал, что еще несколько дней такой погоды, и от них не останется и следа, но это было в будущем, тогда я просто радовался этой резкой перемене. В воздухе парило свежестью, о которой многие уже забыли, а солнце выжигало асфальт так, словно было нанято на работу службами города, и теперь ему нужно было закончить свою работу в срок. С каждым годом моя новая весна все меньше приносила мне радости, становясь для меня чем-то обычным; вроде как чему тут радоваться: весной больше, весной старше, но ту весну я ждал и считал дни до ее появления.

Я шел по улице мимо все тех же серых лиц с их заботами и хлопотами и улыбался им своей свежей улыбкой. Они еще не совсем оправались от долгой и холодной зимы, но все так же суетливо выполняли свой распорядок дня, мчась по своим делам и переусердствовав с теплой или легкой одеждой. Я глядел на них, внутри меня все смеялось, и фраза, пробежавшая в моих мыслях, была отличным подтверждением такого хорошего настроения. «Сегодня... Да! Именно сегодня!.. Я, наконец, выпрыгну из ваших рядов!» – именно с этими словами я спустился в подземку, оставив за своей спиной жар весеннего солнца. Внутри меня все танцевало, предчувствие последующего шага переполняло меня эмоциями, и я не мог этого скрывать. Сбежав по длинной лестнице в подземке, я все же не успел запрыгнуть в последний вагон отходящего поезда, и теперь можно было перевести дух, оглядевшись по сторонам. Воздух, вырывающийся из туннеля, обдувал мои небритые щеки, а вокруг меня кружились обрывки разговоров случайных прохожих, так же спешащих, как и я. Но вот вновь пришедший поезд остановился на платформе, разобрав всех людей по своим вагонам, и я стал на несколько секунд ближе к своей мечте.

Ах да, я совсем забыл рассказать вам о том, с чем было связано все то утро, но об этом позже, перечитывайте мои слова и вы сами все поймете.

Я совсем растворился в суете вагонов, бегущих в центр и, замечтавшись, чуть было не проехал свою станцию.

– Станция ВДНХ... – услышал я хриплый женский голос, вырывающийся из рупора, и это означало, что мне пора покинуть подземный мир нижнего яруса Москвы. Этот голос, как неожиданный утренний звонок, пробудил меня от мысленной дремоты, и я вышел из вагона, задержавшись на мгновение, но это мгновение могло легко увести меня на следующую станцию. Когда я пересек линию платформы, за моей спиной с грохотом захлопнулись тяжелые металлические прорезиненные двери, и мой временный поезд, отдав швартовый, устремился дальше, призывая сделать меня то же самое. Выскочив из метро и оглядевшись, я попытался понять, где нахожусь, ведь эти места были мне знакомы, и вскоре я стоял напротив арок ВВЦ, держа в руке свой телефон. Я вынул из кармана клочок бумаги с номером и торопливо стал вбивать эти цифры на клавиатуре, завершая их зеленой кнопкой вызова.

Гудок... еще гудок... секундное замешательство на той стороне, и вот я уже слышал бодрый голос продавца.

– Здравствуйте, мотосалон, – ответил он мне, выдержав паузу. Но и этой короткой паузы и таких желанных двух слов мне было достаточно для того, чтобы понять – мой путь проделан не зря.

– Здравствуйте... Я по поводу 600-ого Сибера... Хонды... Рр-ки... я вчера еще звонил... Помните? – протараторил я с безумным желанием поскорей увидеть причину моего столь раннего пробуждения.

Я не стал звонить из дома, потому что был уверен, что мне никто не ответит, и, пускаясь в путь на свой страх и риск, я стоял перед аркой ровно в девять, как раз к открытию мотосалона.

– Нет... не помню, – обескуражил меня мой новый собеседник. – Может, вы не со мной разговаривали? О каком Сибере вы говорите?

Внутри меня забилась легкая тревога и, сбавляя неуверенный шаг в сторону павильонов, я остановился.

– О черном... 2005 года... он же у вас стоит? – выдавил я, пытаюсь вспомнить голос вчерашнего продавца, но, так и не восстановив его у себя в памяти.

Я услышал быстрый ответ с той стороны.

– Сейчас посмотрю, подождите... – заинтересованно пробормотал он, и в трубке послышались торопливые шаги.

Время пошло чуть медленней, чем обычно, и мне не оставалось ничего, кроме как рассматривать проходящих мимо людей, и ждать.

Где-то вдалеке громко играла музыка, привлекая к себе внимание немногочисленных прохожих, молодая пара с нежно-голубой коляской и девочкой лет пяти, всем своим видом показывающая, что они на прогулке, двое мужчин в грязной обуви и оранжевых жилетах, спешащие выйти за пределы арок, даже здесь существовала своего рода суэта, но мне сейчас было не до нее. Единственное, о чем я тогда мог думать, это об ответе с той стороны невидимого провода, и он не заставил себя ждать.

– Алло... – вдруг неожиданно я услышал совершенно другой голос, но почему-то сразу его вспомнил, и это придало мне уверенности.

– Да, я слушаю, – четко ответил я.

– Вы по поводу черной 600-ки? – продолжил он, развеивая мои сомнения. И в следующую секунду я понял, с чем связано так резко завладевшее мной спокойствие, это был именно тот голос, который я слышал вчера.

– Да, именно по ней, – уверенно сказал я.

– Вы разговаривали со мной вчера, – прозвучало с той стороны трубки. – Хотите что-то уточнить?

– Нет, я приехал и стою на входе в ВВЦ, как мне вас тут найти? – продолжил я, делая шаг в сторону павильонов.

Мой заочный знакомый даже немного растерялся такой оперативности, но, помедлив, все же ответил:

– Очень просто, проходишь мимо самолетов и находишь павильон номер восемь, мы на втором этаже... ясно?

– Вполне, если заблужусь, перезвоню, – ответил я, ускоряя свой шаг, и положил трубку.

Направляясь вдоль, по широкой площади, я шел очень быстро, шел к своей цели, и мне казалось, что если я не потороплюсь, ее просто могут увести у меня из-под носа. Но этого не могло случиться, ведь смысл был совершенно не в том мотоцикле, который ждал меня под слоем пыли, смысл был именно в цели, и если бы не он, то на его месте был бы другой.

Без особого труда я нашел павильон под номером восемь и зашел внутрь, поднявшись на второй этаж, больше напоминавший балкон.

Меня встретил худощавый белобрысый парень лет двадцати с острыми чертами лица в одежде, что была размера на три больше, чем полагается. Он протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатием.

– Будем знакомы, Василий, – растянул он лицо в широкой улыбке и еще больше стал походить на школьника.

– Привет... Даниил, – ответил я, пожав его руку.

По телефону он показался мне старше, но в нашей жизни бывают такие обманы, и я не очень удивился такой перемене.

– Ну что, пойдём, посмотрим? – перешёл он сразу к делу, и по нашему ходу к пластиковым воротам, задвинутым наверх, продолжил: – Извини за телефонную заминку, мы недавно сюда переехали, и пока бардак, но мы разбираемся, – с виновато-серьёзным видом сказал Василий, открыв соседнюю с воротами деревянную дверь, что вела в небольшой кабинет.

– Секунду подожди, я возьму ключи.

– Хорошо, – ответил я, оставшись стоять перед входом.

Как же много можно сказать о человеке, совершенно не зная его; чем больше я живу, тем больше в этом убеждаюсь. О своём недавнем знакомом я уже мог сказать многое, и это было всего лишь минутное наблюдение за ним. Его неопрятный внешний вид рассказал мне о некоей рассеянности, а излишняя худоба под одеждой большего размера и сероватый цвет лица рассказали о большой занятости этого юноши, что, в принципе, подтверждалось окружающей его обстановкой.

Через несколько секунд он уже стоял передо мной, держа в руке небольшую связку с ключами. Сделав пару шагов, мы пересекли черту пластиковых задранных ворот и вошли в прямоугольное помещение с высокими потолками и обшарпанными стенами, заставленное мотоциклами. Ремонт видимо здесь не делался со времен постройки этого здания, но новых владельцев это не сильно волновало, единственное, что их волновало, это объёмы продаж, что подтверждалось такой кучно заставленной обстановкой. В это помещение поместилось около тридцати мотоциклов, хаотично и плотно раскиданных по всему периметру, в этом бардаке сложно было отсортировать «спорты» от чопперов и классики от эндуро.

Заметив моё неловкое замешательство, Василий тут же парировал:

– Я же говорю, только переехали, вон твой красавец, – сказал он, показывая мне на тёмно-синий мотоцикл с серыми боками.

– Вчера после твоего звонка замучился его от пыли отчищать, – ожидая похвалы с моей стороны, продолжил Вася, но похвалы не последовало.

Опять то же чувство, что и по телефону нахлынуло на меня и заставило выдержать паузу.

– Это не тот, – растерянно ответил я. – На фото был совершенно другой... чёрный... с слегка заметными серыми боками, разрисованными как кельтские узоры... а этот синий! – продолжил я описание увиденного мной вчера.

Вася, вопросительно посмотрел на меня и неловко улыбнулся.

– Точно? Ты уверен? – сказал он, сделав несколько шагов в сторону этого двухколесного чуда.

– Да, точно! – не скрывая возмущения, ответил я, и моя уверенность понемногу стала передаваться растерянному Васе, чьё удивление проглядывалось на лице.

Мои глаза уже не были прикованы к этому вылизанному чуду, и я стал бегло оглядывать павильон. Вдруг среди всех этих запыленных монстров в самом неприметном дальнем углу, я увидел его, заставленному вокруг чопперами.

– Так вон он! – с безграничной радостью в голосе быстро проговорил я, и в несколько шагов оказался рядом с препятствием в виде огромного мотоцикла с никелированной, еле блестящей вилкой.

Вася остался стоять как вкопанный. Видимо моя находка его удивила ещё больше чем меня.

– Ну что ты застыл, достанешь мне его? – вернув Васю к способности мыслить, сказал я, уже взяв этот огромный чоппер за ручки, чтобы его откатить.

Это мое движение привело Василия в чувство быстрее моих слов, и через секунду он стоял рядом.

– Да, конечно, – с явным недовольством к моему рвению ответил он. – Я говорю – бардак! Даже мотоцикл потерять в нем можно! – сказал он и перехватил ручки в свои руки, аккуратно наклонив мотоцикл на себя.

Быстрыми и отчетливыми движениями этот худощавый парень легко выкатил эту трехсоткилограммовую махину, освободив мне проход к черному «спорту»

Но вот из-за наших спин послышался голос.

– Уже здесь, – приветливо прозвучал он и заставил меня обернуться.

За моей спиной стоял высокий мужчина лет тридцати с длинными, аккуратно уложенными черными волосами и гладко выбритыми щеками. По его голосу мне стало ясно, что это мой вчерашний собеседник.

– Я там слегка занят, Вась, сходи, подмени меня, – направляясь в нашу сторону, сказал он, указывая Василию на выход. – А то я уже совсем с этим покупателем рехнулся.

Вася кивнул, поставив чоппер на подножку, и выскочил из павильона.

Вместе со мной на этот балкон поднимался немолодой холеный мужчина со спутницей, годившейся ему в дочери, и, видимо, он стал причиной такого высказывания.

– Здорово, я – Макс, это со мной ты крайний раз разговаривал, – сказал он, приветливо протянув мне руку.

Сделав незаметный акцент на слове «крайний», он обменялся со мной сильным рукопожатием. Это только потом, углубившись в мотоциклетную жизнь, я понял это слово, тогда же я просто не придавал ему значения. Оказалось, что «последний» просто не принято говорить, потому что все мы находимся на грани, и это слово было заменено обычным для наших кругов «крайний».

– Очень приятно, Данила, – ответил я. – Пыльно тут у вас.

– Да, что есть, то есть, подождешь, я сбегая за тряпкой. Протрем, заведем и поедем, – расхохотался Макс. – Я быстро! – сказал он и исчез в дверном проеме.

Я остался наедине с этим двухколесным чудом и буквально растворился в его красоте. Он был похож на черную огромную птицу, которая пролетела от реки Миссисипи до «белокаменной», оставив на себе лишь воспоминание этого пути. Как будто он вырвался из песчаной бури и, разрезая воздух пустынь, без усталости рвался к чему-то новому, неизведанному, к новым местам, к новым людям, к обновленному мне, но это был все лишь мотоцикл, а я был тем, кем был всегда. Он ждал своего единомышленника, чтобы продолжить путь уже вместе, и им оказался я, и нам осталось дело за малым.

Смотря на четкие прямые линии, я мог легко сравнить его с только что сформировавшимся подростком, чей потенциал уже настолько велик, что он легко бы смог заткнуть за пояс умудренного жизнью чемпиона, и это только на чистой мощи. Тщеславный и свободолюбивый, только что вкусивший сладость жизни, но еще не испытывавший горечь поражений, он стоял и смотрел на меня сквозь треугольные линзы своих глаз, и я был точно таким же, но в какой-то момент забыл об этом. По сравнению со своими громоздкими сотоварищами, большими чопперами, этому юнцу была дана сила и непредсказуемость, резкость и самодовольный нрав, и в отличие от его мудрых соплеменников, которые уже устали бегать друг с другом наперегонки, он был именно тем, чего я хотел в своей жизни.

Очень часто мы думаем, что выбираем вещи сами, но все же иногда они выбирают нас, и то, что тогда стояло передо мной, выбирало меня, завладевая моим разумом как огромный сверкающий бриллиант, чьи грани были настолько красивы, что я не мог оторвать своих глаз.

Мы считаем их бездушными, безликими, обычными железками, что лишь улучшают нашу жизнь, но это не так и, выбирая их, мы выбираем дальнейшую свою и их судьбу, и они могут легко этому воспротивиться, беспричинно пролив масло на пол, или просто отказав нам в поездке, не отреагировав на поворот ключа.

Это можно объяснять как угодно, докапываясь до правды в сервисах, с их многочисленными диагностиками, а можно увидеть в этих мелочах маленькие знаки, и все будет зависеть только от того, как ты к ним отнесешься.

Всю жизнь мы выбираем, ищем получше, покрасивее, понадежней, а найдя, сомневаемся, быть может, мы ошиблись и надо было еще поискать, но в тот день я не сомневался, я знал и был уверен в том, что делаю правильный выбор.

В дверном проеме показался Макс с тряпкой в одной руке и канистрой для бензина в другой.

– Сейчас протрем, зальем бензина и заведем, – громко заявил он, разорвав своим голосом эту повисшую тишину. И через мгновение он уже смахивал пыль с мотоцикла.

– А то они пустые приходят в целях безопасности, – добавил он, поясняя мне, почему рядом с нами стоит канистра.

– Хорошо, – ответил я. – Не знал, что наполненный бак может как-то влиять на безопасность.

– По мне тоже, но американцы щепетильны в этих вопросах, – сказал он с долей укора, держа в руке открытую канистру, из которой полилась живительная машинная жидкость.

– А, по-моему, просто снобы, экономят, у них-то бензин по доллару, – подытожил я, тем самым развеселив Макса.

Он залился громким смехом, а его щеки вмиг покраснелись.

– Тоже верно, одним словом, бургеры, – продолжил он мою мысль, наполняя бак дальше, который и вправду оказался пуст.

Издаваемые звуки напоминали жадное хлюпанье на водопое, с каждой секундой становясь все реже и глубже. С каждым новым литром бак заполняла жизнь, он жадно пил, как будто и вправду весь этот долгий путь проделал сам. Вскоре он был наполнен, и Макс, щелкнув горловиной, отставил канистру в сторону.

– Готово, – сказал он и, вставив ключ в зажигание, повернул его, запуская двигатель с кнопки на руле. В воздухе прогремели раскаты грома, мотор взвыл, издавая звук похожий на рычание сотни тигров, даже пыль поднялась в заполненный горячим воздух. После этого раската и секундной работы на высоких оборотах, движок ушел в монотонное урчание, и теперь он не ревел, он пел, пел песню моей свободы. Клубы пыли, поднятые под потолок, медленно спускались обратно, окутывая в свое одеяло стоявшие рядом мотоциклы, а виновник такой быстрой уборки все так же урчал, блистая своим черным пластиком. Только теперь я смог разглядеть всю красоту и необузданный нрав своего избранника.

Краска местами хоть и была обшарпана, но это придавало еще больший колорит его персоне. И среди своих собратьев он походил на уличного сорванца со всей своей неудержимой дерзостью и агрессией.

Ребята из этого мотосалона продавали вещи такими, какими они были на самом деле, не приукрашивая и не наводя ненужный марафет, что, несомненно, шло в их зачет, и человек, пришедший сюда, прекрасно видел то, что покупает.

– Ну как? – с улыбкой спросил меня Макс, дотирая тряпкой те места, где еще оставался слой пыли. – Красавец?

– Да, – коротко, но вполне информативно ответил я, и без раздумий сразу добавил: – Я его забираю.

Такой быстрый ответ обескуражил моего продавца, но, судя по лицу, Макс уже с таким сталкивался и, заглушив мотор, быстро нашелся.

– Нравится мне ваш брат, те, которые за «спортами» приезжают, – пояснил он. – Простые до беспамятства – приехали, послушали, и вопрос решен. Не то, что эти бородатые дядьки на чопперах, пока продашь, все соки из тебя выпьют. А кто до этого ездил? А что это? А что то? А как я на нем смотрюсь? Бестолковых вопросов уйма. Только что такого Ваське сбаврил, за пару минут весь мозг вынес. Кстати, какой он по счету у тебя?

– Первый, – продолжая рассматривать мотоцикл, ответил я, и, понимая, что могу попасть в очередь на бумажную волокиту, сразу добавил:

– Давай оформлять.

Макс слегка замешкался, заглядывая в мои глаза – было ясно, что я не передумаю, но все же он сделал такую попытку.

– Ого, а ты хорошо подумал? – оценивая меня с ног до головы, монотонно проговорил он и, пытаясь предостеречь, добавил: – Все-таки сто двадцать лошадей на одно колесо. Дурноват он для первого. Может, четырехсотки посмотришь?

Видать ему уже попадались такие экстремалы как я, и он уже отточил манеру своего поведения на них, но я был не они, и сломить мое мнение было не реально, но он все равно попытался.

– Начинать лучше с четырехста, а потом уже и шестьсот можно, – продолжал он, и как бы зондируя мою подготовку добавил: – Ты ездить то умеешь?

– Нет, – с легким равнодушием в голосе ответил я. – Вот на нем, и буду учиться.

Еще раз взглянув в мои уверенные глаза и прочитав в них всякое отрицание другого выбора, он еле сдержался, и из его уст только выскочило неоднозначное: – Хм...

После маленькой паузы он продолжил: – Ну как знаешь. Сам поедешь или эвакуатор вызвать? – с долей маленькой издевки кинул он, ожидая продолжения моих экстремальных ответов.

Да, видок у меня был совсем не для мотоцикла, и мои легкие джинсы с мокасинами были тому подтверждением, так что продолжения не последовало.

– Я думаю, эвакуатор, – сказал я, разглядывая озадаченного Макса, который после такого ответа лишь слегка выдохнул.

Меня рассмешило это облегчение, и создалось такое впечатление, что он был готов и к ответу «Сам».

– Ну, тогда пошли в офис, оформим бумаги и выпьем кофе, – одобряюще похлопывая меня по плечу, пробормотал он. – Эвакуатор все равно раньше чем через полчаса не приедет.

Мы направились в офис за соседней дверью, который был похож на перевалочный военный пункт с разбросанными по столу многочисленными бумагами и спартанской обстановкой. Стол, два стула и одинокий шкаф, своей старостью и обшарпанностью рассказывающий о череде частых переездов. Макс вызвал эвакуатор, налил кофе, и мы буквально на пару минут углубились в заполнение всех документов. Перед тем как зайти в офис я заметил того, о ком с такой нелюбовью говорил Макс. Это был лохотный бородатый мужчина лет сорока, в кожаной жилетке и солнцезащитных очках, задранных на голову, совсем не похожий на пропахших бензином лихих байкеров. Его загар говорил о том, что недавно он парил свой пивной животик где-нибудь на берегах Таиланда, а белоснежная улыбка – о недавнем посещении дантиста. Весь холеный, он сидел на никелированном чоппере и красовался перед своей юней спутницей, всем своим видом показывая полное безразличие к Василию, отбивающего перед ним чечетку. Веселая картина: толстосум и его юный аксессуар, любящий дорогие подарки, ублажаемый и ублажатель в виде суетливого Васи – сейчас там все кружилось вокруг одной персоны, и эта персона была несказанно рада такому положению дел.

Мы с Максом наблюдали за всем этим действием через приоткрытую дверь офиса, пили растворимый кофе и, молча, не затрагивая этой темы, глазами соглашались друг с другом, считая этот экземпляр очень важным. Помимо этого самовлюбленного «байкера» Максиму было о чем мне рассказать, и его истории, связанные с мотоциклами, отлично скрасили мое ожидание. «Интересная жизнь у интересного рассказчика...» – подумал я в ожидании еще одного захватывающего рассказа, но нас оборвал Василий, присоединившийся к нашей компании с грустным лицом. По нему и отсутствию бородача за дверью было видно, что тот уехал без покупки, и Василию ничего не оставалось, как виновато посмотреть на Макса. Он хотел, было, что-то сказать, но его опередил телефонный звонок, который разбавил своими трелями повисшую тишину.

– Да, слушаю, – сказал Макс, подняв трубку, и взглянув на меня тут же добавил: – Я понял, сейчас выкатим.

Из вышесказанного мне стало ясно, что эвакуатор уже подъехал, и мне с моей покупкой пора выдвигаться дальше.

– Ну что, пойдём, закатим уже твоего красавца, – ухмыльнулся Макс, пододвинув ко мне документы, оставленные мной на столе.

– Пошли, – с нескрываемой радостью вскочил я со стула, быстрым движением смахнув их со стола и убрав во внутренний карман куртки.

Мы быстро спустились вниз и вышли через задние ворота павильона, закатили мотоцикл в кузов транспортера, и водитель стал аккуратно крепить его ремнями к бокам, словно инструктор парашютного спорта перед моим первым прыжком. Это был пожилой тучный мужчина в кепке как у таксистов и выражением лица как у ответственного за стеклянную вазу.

– Ну что, удачи, – с выражением глаз старшего брата протянул мне руку Макс. – Будь аккуратнее.

– Счастливо, ещё увидимся, – крепко сжав его руку, ответил я, услышав за спиной щелчки захлопнутой двери транспортера.

Водитель выдержал паузу и, кивнув Максиму как старый добрый приятель, слегка поторопил меня, пригласив рукой в кабину, хотя я спешил не меньше его.

С Максом мы больше не встречались, и когда мы отъезжали, он продолжал стоять, задумчиво смотря в небо, которое было нежно-голубого цвета и без единого облачка. Его фигура скрылась в боковом зеркале, стоило нам уйти за поворот, и я, развалившись на пассажирском сидении, подумал, что он отличный парень, и побольше бы таких.

Дорога заняла около часа, и почти весь путь мы молчали. Водитель перевозчика оказался довольно молчаливым человеком, а я был настолько поглощён мыслями о том, как уже совсем скоро я буду пронесёться мимо этих машин со скоростью ветра, что мне было не до разговоров.

По дороге нам встретилась пара мотоциклистов, внезапно появившихся и за секунду исчезнувших в точке горизонта. Рисуя на дороге своими перестроениями геометрические фигуры, они как жужжащие пчелы, не оглядываясь, неслись в свой улей. Это даже слегка напугало водителя, он в обоих случаях подпрыгнул на своём сиденье, и если в первом он сдержался от брани, то во втором уже не смог:

– Вот, черти, не поймёшь, откуда появляются, и не пойми куда исчезают, носятся как очумелые, – сплюнув в окно, чертыхнулся он.

– Наверно, так же гоняешь? – оторвав свой взгляд от дороги, с осуждением посмотрел он на меня.

– Нет... пока не гоняю, это первый, – вспомнив реакцию Макса и в ожидании таких же изумлённых глаз, ответил я.

Но водитель лишь настороженно посмотрел на меня, оценивая, и, слегка задумавшись, вновь переключил своё внимание на дорогу.

– М-да... – выдавил он после затянувшейся паузы и, сменив задумчивость на равнодушие, принялся вести перевозчик дальше, вглядываясь в горизонт.

– Как приедем, выгрузи меня на мойке, хочу помыть красавца, – обрывая крошечную тишину, воцарившуюся в машине, обратился я к нему.

– Хорошо, покажешь где, – прозвучало мне в ответ с тем же безразличием.

Так и не найдя, о чём поговорить, мы продолжили свой путь в молчании, лишь изредка пересекаясь изучающими друг друга взглядами.

На мойке собралась целая толпа ожидающих свою очередь зевак. Они окружили меня и это творение инженерной мысли, выгруженное из транспортера как спортивный болид. Разглядывали и негромко что-то обсуждали, пока не нашёлся самый смелый из них и не оборвал все эти обсуждения своим вопросом:

– И сколько интересно эта дура едет? – спросил он со знанием дела, но по его глазам можно было прочесть, что так близко он видит мотоцикл впервые.

– Не знаю, – оглядываясь вокруг, ответил я, понимая, что интерес к моей персоне среди этих зевак быстро растет.

– Ну, точно за двести, – вырвалось из толпы.

– Даже за двести пятьдесят, – сказал я, сам того не зная.

По толпе пронеслось нескрываемое восхищение, и в глазах у каждого из них появился азартный огонек, как будто они стояли не на мойке перед мотоциклом, а в казино перед колесом удачи и судорожно ждали, на какой цифре оно остановится. Их глаза блестели в ожидании зрелища, а вокруг посеялось молчание.

«Надо сесть и показать эти отцам, что такое мощь...» – пронеслось у меня в голове. Пусть вечером они придут домой и расскажут о ней своим детям и женам, а проснувшись утром будут долго разглядывать себя в зеркале и, наконец, разглядят в нем тусклость своих уставших глаз... И если хотя бы одному из них станет невыносимо горько из-за того, что молодость прошла, а с ней канули в лету все их мечты и желания, погрязшие в суете и бесконечной гонке за богатством, то все это не зря!

На этой мысли меня позвал мойщик, указав мне на свободный угол по соседству со стареньким седаном, и я без труда вкатил свой мотоцикл в этот водяной ангар. Выйдя из него, я уже не был такой интересной персоной, и мое окружение ожидавших своей очереди, расселось по своим машинам. Через несколько минут я вновь стоял на том же месте, смахивая остатки воды после мойки плохо отжатой тряпкой, что мойщиков совершенно не смущало, лишь владелец тряпки ждал, пока я закончу его работу. Но мне было в радость сделать ее, ведь только сейчас, своими же руками, я мог ощутить все изгибы своего приобретения. Я повернул ключ зажигания, и двигатель взревел, распугав всех птиц, которые, не ожидая опасности, звонко чирикали и щебетали совсем рядом. Этот звук прогнал их, как бы намекая, кто тут хозяин, и даже рассеявшиеся по машинам вновь окружили меня.

Я отошел метров на пять и стал разглядывать уже чистого, блестящего, своего нового друга.

После мойки он походил на беспризорника, которого только что отдраили мочалками, высушили и причесали. Он весь сиял, переливаясь в лучах весеннего солнца, а его черные бока отражали наши силуэты. Вся его пыльная усталость была смыта водяным пистолетом и машинным шампунем, преображая его истинную красоту четких линий в целую конструкцию. Металлические детали блистали так, что пускали солнечных зайчиков на не совсем чистые машины, а вода, оставшаяся на его разогретом двигателе, стала испаряться, поднимаясь над ним белым облаком. Вот оно, творение человека, нарисованное сначала на бумаге, а потом отчеканенное на станке; вот она, задумка инженеров, вставшая на конвейер. Испарившееся облако окончательно исчезло в воздухе, и я быстро протер запотевшие части. Двигатель ушел в свое привычное монотонное звучание, а я сел на кожаное сиденье и всем своим телом ощутил всю его мощь, дернув пару раз ручку газа до отсечки. Эта мощь сопровождалась громогласным рыком, что привлекало к себе всеобщее внимание, но это внимание меня не интересовало, тогда я был целиком поглощен изучением этого пластикового монстра. Зеваки уже ждали, когда я верну им их мнимую тишину и удалю свою персону с их глаз, но на это я не обращал никакого внимания, я пытался сосредоточиться.

«Это тот же велосипед... – проговаривал я про себя... – только побольше, и потяжелее... – продолжал я успокаивать, заколотившее быстрым ритмом сердце... – Все просто... Так... привыкни к ручки газа... Да!.. Хорошая реакция, а тормоз все же жестковат, хотя, может, он такой и должен быть, откуда мне знать... Так... Сцепление... Коробка передач... Все просто...» – продолжал я этот монолог, понимая, что чем больше я думаю, тем больше сомнений появляется в моей голове, и с каждой секундой сделать первый шаг мне становится

сложнее... «Ведь с машиной было так же... – вспомнив свой первый опыт, убеждал себя я... – Сел... Порулил... И поехал... А чем это сложнее?!...» – но я ошибался, и это было не так просто, как мне тогда показалось.

Все эти мысли шли параллельно с вырезками из роликов про мотоциклистов, где они проносились с ошеломляющей скоростью по шоссе, где они падали, попадали в аварии и просто что-то бурно рассказывали, сидя верхом на своих байках. На секунду я напомнил себе летчика испытателя, прослушавшего полугодовой курс лекций, и прогулявшего всю практику на тренажерах, посаженного в кабину боевого истребителя, со словом «Держай!».

Время тянулось, как вязкая смола, и мне показалось, что это вечность, и я уже приобретаю глупый вид в глазах столпившихся, но прошло всего несколько минут.

Все! Последнее повторение... И поехали! «А ты уж меня не подведи...» – представив, что мотор это огромное сильное стальное сердце, к которому я обращаюсь, прошептал себе я.

Я обвел всю свою публику улыбочивым взглядом и выжал сцепление.

«Первая вниз... Остальные наверх...» – повторил я про себя один из увиденных уроков и опустил лапку передач. Раздался щелчок, и на табло перестала гореть буква N.

«Скорость включили, теперь медленно отпускаем сцепление и трогаемся...» – слова звучали у меня внутри как заученные теоремы, и вот я уже двигаюсь, оставив зевак без зрелища.

Все мое тело напоминало разогнутую рессору, хоть это было и не совсем удобно на «спорте», но по-другому сидеть я просто не умел. Мышцы были напряжены как перекрученные канаты, а в голове бегущей строкой пробегала вся моя теория, но я улавливал лишь какие-то отрывки.

«Так... Надо успокоиться...» – сказал я себе, уже выехав на только что политую дорогу и медленно остановился, выжав сцепление и нажав на передний тормоз.

«Все заново... Но спокойнее, и все получится!» – продолжал я, вновь трогаясь от обочины... А теперь домой, за экипировкой!

Мой путь до дома составлял метров восемьсот по прямой с одним светофором и заездом в арку, но тогда восемьсот метров были для меня восьмью километрами, и я медленно катился по дороге, практически не открывая глаз. Обдуваемые теплым ветром мои мышцы стали расслабляться, а голову понемногу заполняло безмятежное спокойствие.

«Все получится... Все уже получается!...» – мелькало в моих мыслях, и я медленно въехал во двор, подъехал к подъезду и остановился.

Я слез с мотоцикла и только тогда смог окончательно расслабиться. Оглядевшись по сторонам, как ни странно, я не увидел вокруг себя ни одного знакомого лица; мой двор будто вымер, и лишь с детской площадки доносился заразительный детский смех. Мне не терпелось скорее облачиться в «латы» и продолжить знакомство с моим новым другом. Я вбежал в подъезд и быстро поднялся на свой этаж по лестнице, на ходу доставая ключи от квартиры. Лучи солнца, пробиваясь через окна, оставляли на подъездных, обшарпанных стенах мозаики из рисунков, и под это освещение я быстро открыл дверь в квартиру, прислушиваясь к звукам.

Звуки доносились с кухни, где мои родители что-то бурно обсуждали, заглушая своими голосами работающий телевизор. Их голоса смешивались, и создавалось впечатление, что я попал на собрание депутатов думы. Я прошел в свою комнату и плотно прикрыл дверь. Быстро облачился в купленный еще зимой комбинезон и достал спрятанные мотоботы, схватил шлем и выскочил в коридор.

Вся моя новая экипировка ждала меня аккуратно сложенная в шкафу, и даже если бы в моей комнате проводили обыск, ее бы вряд ли нашли, потому что, складывая ее, я сохранил все условия конспирации.

На мгновение, стоя в своем новом облиции, я замешкался и, прислушиваясь к звукам, доносящимся с кухни, думал только об одном, как мои уже немолодые родители отнесутся к такой перемене.

Надо сказать... кружилось в моей голове... «Пойти и показать им нового меня...» – все так же прислушиваясь, повторял я, боясь осуждения, но об этом я думал меньше всего и, сделав несколько шагов к их голосам, вошел на кухню с единственной мыслью... Пусть они поражаются за меня, поражаются за то, что я могу исполнять свои мечты, а остальное неважно...

Мой отец сидел напротив двери и сразу обратил на меня внимание, оторвав свой взгляд от разложенной на столе газеты, мама стояла ко мне спиной и заваривала душистый чай, чей аромат уже наполнил пространство кухни и начал вырываться в коридор через распахнутую дверь. На лице отца сразу отразился вопрос, и по его глазам я понял, что если я промедлю, то он его задаст, но я оборвал его.

– Ну как я вам? – произнес я, делая шаг вперед и всем своим видом показывая свою важность.

– Отлично, – все с тем же вопросом в глазах ответил отец, переведя свой взгляд на мать.

Услышав меня, она обернулась, не выпуская чайника из рук, и застыла как каменное изваяние, разглядывая меня с ног до головы. И в этом взгляде я увидел страх и непонимание всего происходящего.

– Это что? – наконец произнесла она, отставив чайник обратно на кухонную стойку.

– Это моя новая одежда, – немного стесняясь, и в то же время, гордясь самим собой, ответил я. – Так сейчас модно. Посмотрите в окно, там моя новая игрушка.

Отец перевел взгляд от меня к маме и направился к окну. Быстрым движением он раздвинул жалюзи пальцами и бегло стал вглядываться во двор. Мама же так и осталась стоять на своем месте, разглядывая мой новый наряд.

– Мать, ты посмотри, что твой сын называет новой игрушкой, – окликнул он её, тем самым вернув ее к способности говорить. Она медленно подошла к окну, и отец раздвинул жалюзи пониже, чтоб и она смогла посмотреть.

– Где? – быстро оглядывая улицу, спросила она, видимо, от растерянности не замечая то, что стояло перед ее глазами.

– Да вон, под подъездом, черный, – подбородком показал, куда смотреть, отец, и взгляд мамы остановился.

– Это что? – пыталась, было, возмутиться она, но, предвкушая последующий разговор, я тут же перевел их внимание на себя.

– Ну, я помчался, – обрывая всякое продолжение, заявил я, переведя их взгляды обратно в квартиру. – Буду вечером, не скучайте.

– А... как же... обед? – смотря на меня как растерянный ребенок, произнесла мама и хотела что-то добавить, но и тут я опередил ее.

– Потом поем, как вернусь... Всё, пока, – сказал я и, развернувшись, направился к двери.

«Лучше побыстрее исчезнуть, пока не опомнились...» – промелькнуло в моей голове, и уже закрывая дверь, услышал голос отца.

– Аккуратнее! – воскликнул он, словно это слово могло что-то изменить, но единственное, что мне оставалось, это согласиться.

– Хорошо, – ответил я, уже захлопывая дверь, и вряд ли это услышал мой отец.

Иногда, слова, которые мы говорим, улетают в пустоту, и мы убегаем дальше, по спирали своих судеб, без возможности повторить их снова...

Новые друзья

В этих обновках мне было не особо удобно спускаться по лестнице, но, проделав этот путь как неваляшка, я решил раз и навсегда, что на такой подвиг я теперь подпишусь лишь тогда, когда все лифтеры страны устроят забастовку. Последний рубеж в виде стальной двери был пройден, и я вновь оказался на улице.

Солнце отражалось в окнах припаркованных машин, а птицы, восседающие на деревьях, пели весенние песни. Детвора играла в песочнице на детской площадке, не обращая никакого внимания на присевших на лавочки мамаш, а их мужья только заканчивали свой трудовой день, чтобы вновь присоединиться к своим семьям. Весь двор, все вокруг меня жило весенней жизнью, и погода дарила свою теплоту каждому присутствующему от мала до велика. Но только в детстве мы рады солнцу, больше, чем с высоты своих прожитых лет.

«Так, главное сейчас все сделать, правильно...» – натягивая шлем и вглядываясь в свой этаж, подумал я, ведь за мной наблюдают из окна, где я отчетливо видел два силуэта.

Я обошел мотоцикл, вставил ключ в зажигание, повернул его и запустил мотор. И снова этот непривычный, но уже родной звук, и опять мы с ним наедине, и всё, что вокруг нас, становится менее значимым. Я сел на мотоцикл, выжал сцепление, ткнул передачу и тронулся, оставляя за своей спиной подъезд за подъездом, а главное, и те родные глаза, для которых эта новость стала еще одним поводом для обсуждения моей очередной выходки.

Но им ничего и не оставалось, и я отчетливо это понимал, ведь они уже никак не могли повлиять на мое решение, впрочем, как и всегда.

Моя мама иногда шутила после очередного повода для разговоров, и после бурного обсуждения с отцом говорила такие слова:

– Вот смотрю я на тебя и на твои выходки и складывается такое впечатление, что в роддоме тебя подменили, а наш ребенок сейчас учится в какой-нибудь музыкальной школе по классу фортепиано. Он всегда приходит вовремя домой и проводит все выходные за книжками, а его маму точно не вызывают в школу за очередной фокус перед учителями или за очередную драку. Он прилежно себя ведет, и в десять не на подходе домой только, а уже в кровати. «Вот кому-то повезло», – улыбаясь, повторяла она, и эта улыбка давала мне понять, что даже со всеми своими выходками я все равно любимый сын. И всё равно после этих слов я так же опаздывал, гулял по ночам, приходил со сбитыми в кровь кулаками, и всегда без объяснений ложился спать. Быть трудным это не великая заслуга, но, наверно, каждый должен пройти через что-нибудь подобное, ведь только так формируется что-то своё, а таких музыкальных или просто положительных мальчиков – гордости родителей и так уже немало. У них нет своих решений, и даже жен им выбирают мамы. А потом, взяв эстафету, ими продолжают рулить жены, говоря: «Вот так правильно, а вот это нам не нужно». Эстафетные палочки с одиночеством внутри и полным подчинением снаружи, всю жизнь на вторых ролях, но это их выбор, и осуждать его я не имею никакого права.

Я выехал из двора на дорогу, и в кармане зазвонил телефон, и это оказалось проблемой под номером два, решаемой только гарнитурой, но тогда я об этом даже не успел подумать. Я прижался к обочине, остановил байк и достал трубку из кармана. Но тут нарисовалась еще одна проблема, проблема номер три – как ответить, голова-то в шлеме. Хорошо, что придумали функцию громкая связь, и, нажав кнопку ответа, я засунул телефон в шлем, опустив визор, создавая тем самым своего рода стерео разговор.

– Да... я слушаю, – прокричал я, думая, что прорывающийся звук мотора глушит мой голос.

– Здорово, ну что, пригнал? – послышался голос Андрюхи. – Уже катаешься? – пытаюсь заглушить все тот же звук, спросил он.

– Да, уже на нём, – важно, заявил я. – А ты где?

– Я на пяточке, давай подъезжай, поедem, покатаемcя, нас тут уже много собралось, – пробормотал он и добавил: – Только тебя ждем.

– Хорошо, сейчас буду, – сказал я и положил трубку, достав ее из шлема.

«Ну что, поедem, познакомимcя с «их много»...» – проговорил я про себя и направил свой мотоцикл на пяточок.

Этот своего рода «пяточок», как в последующем я узнал, оказался довольно знаменитым местом среди любителей скорости, крутых байков, навороченных тачек, и просто тех, кто любит потусоваться. Находилось это место в пяти минутах пешком от моего дома или нескольких секундах езды. Днём это была обычная площадка для учителей и учеников, новых райдеров московских улочек, а ночью это место видоизменялось до неузнаваемости. С асфальта исчезали оранжево-красные конусы, а главное, эти машины с дублирующими педалями и буквой «У» в треугольнике, которые в последующем были не раз высмеяны и обсуждены в компаниях двухколесных. Ночью здесь была совсем иная жизнь. Подъезжали и отъезжали машины разных марок и статусов, играла музыка, там пританцовывали, а там просто что-то горячо выкрикивали, это была ночная жизнь ночной молодежи, любителей драйва и не любителей ранних подъемов.

Мой путь к этому месту составил меньше минуты, и уже на подъезде я заметил кучку мотоциклов, стоящих по центру. Около них стояли ребята, молодые и не очень, в пестрых кожаных мотоциклетных куртках и комбезах, ну и, конечно, девушки, куда же без них. Некоторые из них даже специально покупали шлем, не имея мотоцикла, чтобы их только покатали, и ответ дарителя незабываемых эмоций: «Нет второго шлема» здесь уже не проходил.

На той площадке, меня встретили более чем радостно, мне показалось, что их просто предупредил Андрюха, и теперь они знали, что в их рядах прибыло. Я подъехал в самую кучку мотоконей из железа и пластика и поставил свой байк на подножку, заглушив мотор. Не успел я слезть с мотоцикла, как меня уже окружили со всех сторон эти дядьки в кожаных комбинезонах, приветственно улыбаясь и что-то говоря, но пока я был в шлеме, я их не слышал. Среди них был Андрей, и он был единственным человеком, кого я знал в этой толпе со своих юных лет. Он был старше меня на четыре года, но знали мы друг друга уже лет десять. По лицам, окружившим меня, было ясно, что он уже заочно меня всем представил, и мне остается только пожать всем руки. Стянув с себя шлем и повесив его на зеркало, я все же представился.

– Здорово... Данила, – протянул я руку первому, кто стоял передо мной.

– Привет, а я Большой, то есть Паша, – обменялся со мной крепким рукопожатием высокий, слегка ссутулившийся, коротко подстриженный здоровяк с широким лицом и такой же широкой улыбкой. Он напомнил мне фотографии из сводок в передаче «Петровка 38», но его лицо было слишком улыбочное для бандита с большой дороги.

– Поздравляю с покупкой, – сказал он, оценивая мой мотоцикл и, обернувшись, добавил: – Первый?

– Ну... да, – ответил я, развернувшись к остальным.

На что Пашка лишь ухмыльнулся и высказал лишь одно слово: – Отчаянный.

– Да, он такой, – опередив меня, из-за чьей-то спины послышался голос Андрюхи, но его заслонял побритый наголо парень.

– Дима, – протянул он руку, напомнив мне солдата, прибывшего на побывку.

– Даниил, – поздоровался я и, наконец, увидел Андрея, который выскочил из-за его спины.

– Саша... Вадим... Олег... Миша... Коля... – это рукопожатие показалось мне бесконечным, но теперь я знал каждого по имени.

Когда знакомство закончилось, последовали расспросы... Откуда байк? Что по деньгам? Какой пробег? В общем, стандартный набор вопросов мотоциклистов, а мой недоумевающий

вид был, видимо, настолько забавен, что они продолжались и продолжались, пока всех не оборвал Большой.

– Ну! Хватит! Набросились на пацана, сказал же – первый он у него, что тут еще можно сказать, – обрезал всех Пашка и, развернувшись к своему мотоциклу, добавил: – Поехали лучше подубасим... Только без жести, среди нас новенькие, – подметил он и как учитель указкой указал на меня своей рукой.

– Хорошо, – пронеслось по толпе многогласным эхо, и все разбрелись по своим двухколесным друзьям.

– Только не теряйся, – подмигивая мне, натянул шлем Андрюха и, завязывая петли, добавил. – Без жести вряд ли получится, посмотри, сколько нас.

– Постараюсь, – ответил я, оглядев всех присутствующих, которые уже облачились в свои шлемы. Но вскоре и мой шлем восседал у меня на голове, и я был готов к старту. Ключ, подножка, кнопка старта и моторы заревели в монотонном урчании как хор органических инструментов, заглушая всё и всех, кто был поблизости. Только немногочисленные обладатели четырехколесных болидов, оставаясь на своих местах, провожали нас завистливыми взглядами, проговаривая про себя: «Побыстрей бы они уже исчезли!».

Мы не заставили себя долго ждать и рванули с места, и тут я понял слова Андрюхи: тихо точно не получится.

Нашу группу из десяти мотоциклов возглавил Пашка на своём Судзуки GSX1000R белосинего цвета, который величаво восседал во главе колонны, поглядывая в свои зеркала.

Этот мотоцикл я узнал сразу, его легенда началась с фильма «Байкеры», что наверно был в фильмотеке каждого, кто любил эти пластиковые штуки, и, увидев его воочию, я был поражен его размерами. Огромный, с неповторимым дизайном и безумной дурью под баком, он легко переводил стрелку тахометра в красную зону, оставляя под впечатлением каждого. Следом за ним выстроилась целая вереница. Две литровых Эрки, пестро-синий Димкин и красно-белый взрослого, молчаливого Романа, один серый Хорнет, пара спортивных четырехсоток, один Классик и один красный Шторм, а мы с Андрюхой на своих Сиберах замыкали эту делегацию.

Мы ехали в конце не потому, что наши мотоциклы не позволяли нам ехать впереди, а потому, что это не позволял наш опыт и навыки.

У Андрюхи был точно такой же мотоцикл как и у меня, красный с черными полосками, как будто только с конвейера, он блистал своим общим видом и красотой цвета, мой же рядом с ним походил на какого-то сорванца, черные бока которого разбавляли этот пестрый тандем. Андрюха и имя ему придумал, правда, девичье, и между нами он величаво называл его «Ласточка».

И вот вся наша колонна, разрезая воздух ревом моторов и прямоточных глушителей, выехала из района, направляясь к МКАДу. Со стороны, наверно, впечатляющее зрелище, и мы были его незаменимыми участниками, влюбленными в свои мотоциклы.

Вот первый уже оказался в потоке, да и второй уже съехал с развилки, а за ним третий, четвертый, пятый... Они, как пчелы, хаотично рассыпались по трассе и устремлялись от меня вдаль. Я шел замыкающим, понимая, что стоит лишь чуточку их отпустить, и всё, мне уже их не догнать. Но рука еще не привыкла к ручке газа, а мне ничего не оставалось делать, как бороться со своими страхами. Я съехал на кольцо и устремился вслед за своими новоиспеченными товарищами, держа в своей видимости их красные стопы. Но вскоре они исчезли, разбежавшись по широким линиям дороги, словно высыпаемый на пол горох.

«Мы снова одни...» – подумал я, откручивая ручку газа с легкой боязнью в попытке догнать.

Множество машин, куда-то мчащихся, перестраивающихся из ряда в ряд и беспричинно тормозящих – вот это и есть самое малое из названия «московская кольцевая автомобиль-

ная дорога». Здесь есть все – фуры длинномеры, малолитражки и представительные седаны, газели и автобусы, со своими плохо говорящими на русском хозяевами, джипы, старые раритеты, новинки автомобильной промышленности и, конечно, мотоциклы. По этой дороге растянулись тонны железа, и каждый день их устремляют по своим потребностям люди разной веры, разных сословий, разных предпочтений, с разными судьбами, и мы всегда отдельная их каста со своей религией.

МКАД – московская кольцевая автомобильная дорога, это сейчас она стала шириной в пять полос, отбойными разделяющими бетонными блоками посередине и с хорошим освещением, а раньше она считалась дорогой смерти. По две полосы в каждую сторону, из освещения она имела только фары проезжающих мимо машин, и каждую ночь ждала очередного любителя скорости, чтоб лишить его жизни без особого сожаления. Черная дорога смерти, которую объезжали через центр, и на которую не совались без особой надобности. Теперь она стала круговым автобаном, но всё равно не утратила своей прежней славы. Её постоянно преследуют какие-нибудь ремонтные работы, доделки, доработки, постройка новых развязок, но как бы её ни улучшали, здесь и по сей день можно встретить километровые пробки. В них заезжаешь днем, а можешь выехать на следующий день. Здесь беременеют, рожают детей и умирают, так и не доехав до больницы в карете скорой помощи. Здесь может произойти всё что угодно, и тысячи зевак из проезжающих мимо машин наблюдают за всем этим с особым любопытством. Эту дорогу в скором будущем я очень полюбил, но тогда я был слегка растерян.

Уже последний одиночный стоп сигнал практически исчез за горизонтом, а я будто стоял на месте. Нет, я ехал, но видимо не так быстро, как они. Я встал в ряд, как будто у меня тоже четыре колеса, и двигался со скоростью общего потока. Сто километров в час, и тогда для меня эта скорость казалась огромной, и это был мой предел, который пересечь я просто не мог. Но мой мотоцикл, напротив, рвался в бой, и как только я слегка открывал газ, он пытался выпрыгнуть из-под меня. Вот оно, безумное чувство адреналина, которое постепенно начало просачиваться и заражать меня через ветер и выхлопные газы. Наверно, то же самое чувствует наркоман, который в первый раз попробовал тяжелый наркотик. Дыхание захватывает, но руки всё равно делают, в голове проносится бегущей строкой: «Это опасно... остановись... тебе это не нужно...», но с каждой секундой это становится менее важным. Ты уже попал в эти сети, как только захотел это попробовать. Вот он, момент беспредельной радости, который уже проникает в тебя, пропитывает твою кожу, овладевает твоим разумом, и ты уже не представляешь своей жизни без этого. Каждый наркоман никогда не сознается в том, что он зависим, так же как и мы, никогда не сознаемся в том, что уже не представляем своей жизни без адреналина скорости, и кому из нас проще, это еще вопрос. Для них существуют клиники, медицинские центры реабилитации, врачи, которые защищают диссертации на тему «Общество и наркотики» – целые системы исправления от этого недуга, для нас же ничего подобного нет. Общество не считает это проблемой и принимает вечерние новости дорожного патруля как само собой разумеющееся. Для них неважно, что сегодня молодой парень или девушка никогда уже не вернутся домой. Под словами «Не справился с управлением...» голос диктора за экраном сообщит об очередной семейной трагедии, а на следующий день об этом все забудут. Очередной персонаж закончил свою роль на эстраде жизни.

По мне такие слова, как: «Не справился с управлением» очень похожи на слова: «Передознулся... преувеличил свои возможности и способности и расплатился за это своей жизнью».

Да, машина просто повернула через две сплошные, и ты впечатался в неё на скорости за двести, да, она не оставила тебе шансов на другой исход, да, вина нарушения правил очевидна, но это уже совсем не важно, ведь ты «передознулся».

Если ты садишься за руль мотоцикла, предназначенного для трековых гонок, ты должен думать не только за себя, а еще за эти груды металла, которые тебя окружают. А ты просто нахо-

дился «под кайфом», «под кайфом» адреналина, который отключил твоё чувство самосохранения и привел тебя к такому печальному итогу.

Всегда думать, всегда стараться предугадать и всегда сохранять холодный ум с ясной головой!

Всё это пришло ко мне с опытом, тогда же я был зеленым фруктом в круговороте металла и двигался осторожно, неуверенно, строго в своей полосе, притормаживая и отпуская впереди идущего автомобилиста. В таком медленном ритме я доковылял до съезда на шоссе Энтузиастов, где, припарковавшись на обочине, меня ждали мои новоиспеченные друзья. Медленно перестраиваясь, слыша сигналы идущих сзади машин, я всё же доехал до этой хохочущей толпы, которая приветствовала меня как спортсмена в гонках на выживание, где не главное прийти первым, а главное – доехать до финиша.

– Ты шлем не снимай, сейчас поедem дальше, – услышал я веселый голос Пашки.

– Ну что, как первые впечатления? – донеслось откуда-то из толпы как продолжение.

– Отлично, – ответил я, но понимая, что меня не особо слышно, поднял большой палец вверх.

По толпе пронеслись возгласы одобрения.

– Ну что, перекур закончен, можно двигаться дальше, – сказал Большой и, глядя на меня, тут же добавил:

– Мы сейчас поедem медленней, старайся держаться последнего, – сказал он и поспешил к своему мотоциклу.

Я ответил кивком головы в этой спасительной капсуле под названием шлем.

Как же все-таки слегка нелепо мы смотримся в этой мотоэкипировке, она сковывает наши движения, видоизменяет осанку, меняет походку и делает из нас несколько других людей, чем мы есть на самом деле. На нас смотрят как на космонавтов, перепутавших место высадки и взявшихся ниоткуда на этой планете, но мы незаметно заняли неотъемлемую часть этого общества и теперь заполняем наши города с удвоенной скоростью.

Вот и наша толпа не осталась без внимания и привлекла множество изумленных взглядов из проезжающих мимо машин. Все присутствующие «инопланетяне» расселись по своим байкам, и опять в воздухе зазвучала эта громкая симфония моторов. Колонна медленно тронулась и напоминала движение на параде, где все четко заняли свои места и даже не думали кого-либо обгонять. Таким вот кучным отрядом мы развернулись под мостом и направились обратно в сторону нашего района, на уже нашу площадку, где мы стали своими в доску лишь для асфальта под нашей разогретой резиной.

Как потом выяснилось, там, где она находилась, жили только мы трое: я, Большой и Андрюха, остальные же были с других районов и даже с других городов-спутников, граничивших с нашим населенным пунктом. Дружной колонной мы двигались с крейсерской скоростью сто километров в час, разгоняя перед собой машины дальним ксеноном и ревом глушителей. Правда, моя радость, что этот ритм будет до конца, длилась недолго.

Пашка начал прибавлять газ, а следом, как по цепочке, и все остальные. И тут я увидел на своем спидометре свои первые сто шестьдесят километров в час, и впервые почувствовал первые вспышки настоящего адреналина, которые проникали в меня через визор мотошлема.

Для меня вообще многое в тот день было впервые. Незабываемые ощущения, о которых я часто вспоминал позже, и которые стали неотъемлемой частью моей сезонной жизни.

Наше полуторачасовое отсутствие особо никто не заметил, кроме солнца, которое уже скрылось за горизонтом, и мы возвращались не под его утасаживающими лучами, а под искусственным светом придорожных мачт. Тот же рев, те же изумленные лица – всё было так же, как и в момент нашего отъезда, и так же стремительно мы вернулись обратно на площадку, на которой машин и людей только прибавилось. Важное шествие закончилось на том же месте, откуда и началось, и мой первый опыт заставил меня улыбаться, как я давно не улыбался, радоваться

жизни, радоваться этим людям, которые окружили меня, радоваться моему новому братству единомышленников, потому что в их глазах читалось лишь одно слово, которое было теперь и у меня, и это слово «Свобода».

Мы выстроились в ряд, клацая подножками своих байков об асфальт, и вскоре, покидав свои шлемы на зеркала, баки и сиденья, мы вновь пустились в обсуждения.

– Ну как, доволен покупкой? – услышал я вопрос худощавого весельчака с простым именем Иван, который быстрее всех стянул шлем и уже прикуривал сигарету.

– Очень, – ответил я, не скрывая своих эмоций.

– Да он еще на самом деле не понял, что купил, – посмеиваясь, подметил Большой, и в этом была весомая доля его правды.

– Хорошо ума хватило сразу себе свежий литр не взять, – похлопывая меня по плечу, подключился Андрюха. – Это я его отговорил, – хвастаясь, добавил он. – А ведь мог.

– Да, рискованный парень, – улыбнулся Пашка. – А ты вообще когда-нибудь на двух колесах ездил?

– Нет, только один раз, в деревне, по полю, то ли на ИЖе, то ли на Яве – сейчас уже и не вспомню, а больше – нет.

– Вообще? Вообще!? – донеслось из толпы.

– Совсем, – улыбнулся я, прочитав в глазах своих новых друзей непонимание, но это непонимание быстро оборвал Большой.

– Ну... для первого раза совсем неплохо, главное, с головой и без фанатизма, и всё у тебя получится, – кивком головы подтверждая свои слова, сказал Пашка, и смотрящие на меня глаза тут же сменили свое выражение лица.

Это было сказано так, что я не смог сдержать смеха, и сквозь него я лишь выдавил: – Постараюсь...

Нет, мой смех был вызван не этой фразой, он был вызван ее подачей, и хоть я и знал Пашку всего несколько часов, но эта гримаса осталась со мной навсегда.

Как старый, мудрый Каа из детского мультфильма нравовучал Маугли, так и он проговорил это с той же значимостью, с той же тягучей размеренностью, с тем же величием. И это заметил каждый из присутствующих, но придать этому веселый смысл смог только я, и в конечном итоге все залились заразительным смехом. На этой ноте легкие нравовучения для меня кончились.

Следом все углубились, впрочем, как и всегда, в яростные обсуждения нашей стремительной поездки.

– Видел ту Газель, которая меня чуть не снесла, как я её обошел... – заливаясь праведным гневом, начал Димка.

– Да, я четко за тобой шел... еле оттормозился... – поддержал его Роман и, сменив свою сдержанность на всеобщее возмущение, негромко добавил. – Надо было ей лопухи отломать... чтобы в следующий раз смотрел в них или на их отсутствие...

– В следующий раз так и сделаю, – согласился Ромка.

Лопухами они называли боковые зеркала заднего вида, которые своей формой и вправду напоминали зеленые растения, выросшие из металлической кабины.

– А этого маленького «корейца»... с огромной буквой «У» на заднем стекле... и мадам за рулем... Помните? – продолжил Олег, чья вишневая четырехсотка еле его обрулила.

– Конечно, помним, – переключилась толпа. Она вообще как на КАМАЗе ехала! Включаем поворотник... и не смотря, что с боку... на счет три... Поворачиваем!..

– Это как в игре... Кто не спрятался, я не виноват, – подытожил все тот же Ромка, тем самым надев на наши лица подобие понимания этой злой шутки.

Вот именно, машину купили, права подарили, а ездить не научили, а если даже и учили, то не всякий человек обучаем, некоторым просто не дано, но они все равно выползают на наши улицы, каждый день подвергая себя и других смертельной опасности...

– Да, и таких становится всё больше и больше, – задумчиво произнес Большой, но тогда времени на серьезные разговоры не было, вечер только начинался, и Димка решил снова перевести нашу беседу в веселое русло.

– Анекдот хотите? – вставил он своё слово. – Правда, он не совсем по этой теме, но тоже пойдет... – заинтересованно оглядев всех, добавил он.

– Ну, давай... Жги, – сказал кто-то из толпы, и все, как сговорившись, образовали круг, в центре которого оказался Димка.

– Хорошо, значит, дело было так, – начал он.

– Дружили два друга... разных профессий, разных увлечений, разных убеждений... давно дружили, и все это не мешало их крепкой дружбе. Один был директором мотомагазина, а другой был директором городского кладбища... Но, несмотря на такую разную занятость, это не мешало им встречаться и беседовать за кружечкой кофе... Так вот, встречаются они, значит, в начале осени, и один другого спрашивает:

Слушай, как твой бизнес? Как продажи? Ты сколько за это лето мотоциклов продал? – спрашивает своего друга могильщик.

Да нормально – отвечает второй. – Хорошие продажи... пятнадцать мотоциклов за сезон продал... Все отлично!

Странно... значит двое еще где-то ездят, – озадачился первый.

Секундное молчание, и по толпе пронесли слегка истеричные смешки, кто-то хмыкнул, кто-то задумался, а некоторые вообще залились нездоровым смехом. Один Пашка стоял с серьезным видом и тут же добавил: – В самую тему, но я его уже слышал...

– Да ладно тебе, такой вид изображать... – всё так же заливаясь смехом над своим маленьким рассказом сказал Димка, и быстро осознав, что Большой даже не думал смеяться, поправился: – Все мы рано или поздно там будем, никуда от этого не деться!

– Все, да не все, некоторые уже там, – всё с тем же видом ответил Пашка и отошел в сторону.

– Жизнь вообще сложная штука, – выдал из-за спины Димки немногословный Женька, но эта фраза ушла лишь в затылок Большого.

В нашей компании воцарилось молчание, молчание как лишний повод подумать, кто мы, и посмотреть в глаза друг друга.

Для меня тогда был не совсем понятен печальный вид некоторых после порции черного юмора, и мне ничего не оставалось, как принять эти правила молчаливого боя самим с собой. Но оно не могло длиться долго, и вскоре все разбилось на несколько кучек, выбрав для себя свои темы для разговоров.

В моей голове уже совсем поутихли эмоции, полученные от первой поездки, а вечер полностью завладел этой улицей, и тут меня настигло безумное чувство голода. Я вспомнил, что единственное, что было в моём желудке за весь день, это недоеденный бутерброд, кофе и бутылка газировки, выпитая совсем недавно. Пора было, наконец, нормально отужинать.

– Ладно, я отъеду, вы здесь будете? – обратился я к своей кучке, в которой стоял Андрюха и Большой.

– Да здесь, вроде больше никуда не собираемся, – ответил Андрей. – Но если отъедем, то вернемся или созвонимся.

– Тогда увидимся, – уже залезая на байк, сказал я и повернул ключ зажигания.

Отъезжая от места нашего сбора, я подметил, как маленькие кучки вновь сошлись в большом круге, и обсуждения чего-то вновь возобновились. Может, причиной их разговора стал

снова я, а может, очередной анекдот, этого я уже не слышал, но то, что провожающие меня взгляды были добрыми, это я видел отчетливо.

Анализируя каждого из новых друзей и контролируя ручку газа, я не заметил, как въехал во двор, и остановил мотоцикл на прежнем месте.

Да, денёк выдался не простой, совсем не простой... – подумал я, зайдя в подъезд и пытаюсь оставить свои мысли за дверной чертой.

Пытаясь собрать их воедино, я поднялся на лифте, и уже перед дверью понял, что меня ждет второй раунд расспросов и наставлений моих домашних. Но к моему великому удивлению домашние уже спали или делали такой вид. Я медленно разделся, стараясь не шуметь, и прошел на кухню, достав из холодильника свой замороженный обед. Но не успел я дойти до ванны, как раздался звук открывающейся двери, и следом послышались шаги, своей тональностью напоминающие отца. Через мгновение на меня смотрело заспанное лицо отца, который преградил путь в мою комнату. Посмотрев на его глаза, я понял, что мне лучше остаться.

– Ну, сын, ты в своём репертуаре, – наливая воду из графина в стакан, стоя ко мне спиной, проговорил он. – Быстро ты убежал, а мать успокаивал я, – с нотками укора, все так же стоя ко мне спиной, добавил он.

– Успокоил? – представляя, что случилось после моего ухода, спросил я, но представить это было сложно.

– Да, – развернувшись ко мне, с важностью произнес отец и, не дав мне порадоваться за удачный исход, тут же продолжил: – Не заставляй её переживать, потом все это слушаю я, о том, какой ты и в кого, а ты в эти моменты сладко спишь.

– Пап, нуу... – хотел я, было, ответить, но, не дождавшись моего уже знакомого ему ответа, он не дал мне вставить и слова.

– Ты понимаешь, мы стареем, ты взрослеешь, и ты наш любимый сын... Не заставляй нас переживать – это самое малое, о чем я могу тебя попросить, – сказал он, всматриваясь в мои глаза, и еще раз осмотрев меня с ног до головы.

Но вдруг он изменился в лице и сменил нравоучения на отцовскую гордость.

– Хотя, ты молодец, – уже допивая стакан с водой, сказал он. – Берешь от жизни все, что хочешь. Молодец! А я спать. Но я тебя прошу, будь молодцом во всем, и будь поаккуратнее...

– Хорошо, – слегка расчувствовавшись от такого маленького откровения отца, ответил я, все так же стоя на своем месте.

Закрывая кухонную дверь, он еще раз заглянул ко мне, подмигнув и высказав своё маленькое, но всё же одобрение моего выбора:

– А мотоцикл – красавец! – произнес он эти слова с нотой гордости, и я не мог этому не порадоваться.

– Спасибо... Спокойной ночи, пап, – ответил я, улыбаясь этой оценке.

Отец удалился, и я быстро закидал в себя все, что нашел в холодильнике. Запивая свой завтрак, обед и ужин обжигающим чаем, я торопился опять выскочить на улицу, чтобы вновь окунуться в этот драйв адреналина. Через полчаса я стоял перед своим мотоциклом, вид которого стал еще более агрессивным в свете дворовых фонарей.

В этом ночном сумраке его черный цвет стал еще более насыщенным, а наклейки по бокам более выразительными, и в этом свете он был великолепен. Облачившийся в эту пеструю шкуру так же, как и я, он красиво смотрелся, не особо бросаясь в глаза, но всё равно привлекал к себе взгляды случайных прохожих. Я завел мотор и неспеша выехал со двора на дорогу.

Неожиданное знакомство

«Ну что, проверим, на что мы способны...» – подумал я, все больше откручивая ручку газа... Сейчас нам никто не мешает... от блуждающих машин не осталось и следа, и многие светофоры переведены в мигающий оранжевый цвет, а главное, я получил тот маленький, но все же, первый опыт...

Я направил свой байк в соседний, новый район со его хорошим, свежим асфальтом и отсутствием безумного количества припаркованных машин. Наши два района соединяла длинная дорога с двумя затяжными поворотами, по которой можно было развить довольно приличную скорость даже на машине. А я был на мотоцикле и вновь откручивал ручку газа до скорости в сто пятьдесят километров в час.

Эйфория, подпитываемая безграничным чувством свободы, вперемешку с щекочущим мои нервы адреналином, уносили меня прочь от моего дома.

Не очень теплый, но все-таки уже совсем весенний ветер залетал ко мне в шлем через воздухозаборники, передавая мне запах дороги и прогретых покрышек. Я был наедине с самим собой, лишь звук моего двигателя разрезал тишину вечерней улицы, так громко заявляя о нас всем в округе. Разметка из прерывистой линии превращалась в сплошную, и картинка сменяла картинку, кадр за кадром добавляя в мою жизнь новые эмоции и впечатления.

Тот я, который проснулся с утра, уже точно никогда не вернется домой... с каждым новым метром я понимал это все отчетливей... Тот я остался во вчерашнем дне... Тот я стал свободнее... Тот я больше никогда не будет прежним.

Все эти чувства были для меня пыльным клубком, лежащим высоко на полке, теперь же он оказался в моих руках, и я завязывал его концы на своем стержне.

Как же немного надо человеку, чтобы так много понять, чтобы в глаза вернулся блеск, чтобы мысли, что делать дальше, обрели свою оболочку, чтобы жизнь забурила вновь в остывших венах, толкая обладателя этого дара на новые поступки в жизни.

Пересекая последний рубеж соседнего спального района и оставив новостройки за своей спиной, я остановился на его окраине. Это была практически такая же площадка, как и в моем районе, только она была совершенно пуста. Ни машин, ни людей, ни шума, ни пыли, и матчи без света добавляли тому месту немного мрачности, но это тихое одиночество уничтожил я, медленно подкатываясь к свежеположенному бордюру. Заглушив мотор, я слился с той тишиной воедино, вдыхая полной грудью прохладный апрельский воздух. Вот она, тихая Московская ночь на своей окраине, и вот то, чего мне так сильно не хватало последнее время.

Эти пятнадцать минут, что я простоял там, в тихом одиночестве со своим первым железным другом, запомнились мне надолго, и я возвращался туда всегда, когда мои мысли наполняли грусть. Я разглядывал свой сверкающий город с той возвышенности и улыбался, радуясь тому выходу, что нашел меня сам еще много лет назад, и теперь каждый новый день открывал мне новые дороги. Конечно, дороги моего города были теми, что и всегда, но теперь мое понимание их было совершенно иное.

Заглядывая в темные, еще не освещенные окна совершенно нового дома, что стоял по мою правую руку, я представлял счастливые глаза, которые там уже скоро появятся. Их чувство нового и краткосрочное чувство радости, что заполнят эти квартиры уже в ближайшем будущем. Они будут сверкать там до первого неугомонного соседа, который будет обустривать свои стены, вонзая в них сверла от рассвета до заката. Люди со счастливыми лицами заполнят эти подъезды, в суматохе будут затаскивать свои вещи в пустые квартиры, но в скором будущем радость нового будет разбавлена бытом неблагоприятного соседства, а детский смех, постепенно заполняющий эти этажные пролеты, в последующем превратит лестничные пло-

щадки в места для вечерних посиделок. Так было и так будет, так есть, и с этим уже ничего не поделаешь, и каждое чувство нового всегда сменяется чувством однообразного «полдника».

Я смотрел на те окна, и передо мной пронесли несколько лет их жизни, и, глядя на них, я радовался новому в своей жизни, не имея и малейшего представления, что произойдет со мной завтра.

Как многого я тогда еще не знал... и как сильно я тогда ошибался...

Телефон, лежащий в моем кармане, выдал непрерывную трель, оторвав меня, от полуночной тихой идиллии.

– Ну, ты где есть? – не успев что-либо сказать, я услышал голос Андрея.

– Да, я сейчас приеду, – пытаюсь перекрыть его фон из рычащих моторов и визга шин, произнес я. – А вы где?

– Что? Где ты?.. Не слышу! – все так же кричал он.

– Сейчас буду, – более громко прокричал я. – Где вы?

– Мы там же! – наконец услышав меня, произнес он. – Давай, мы ждем! – и, не дождав-шись моего ответа, повесил трубку.

Мне ничего не оставалось, как еще раз посмотреть на этот сверкающий город и выдвинуться обратно.

Всё так же осторожно и размеренно разрезая ночной ветер, я, как и по пути туда, был один. Всё те же фонари, провожающие меня, подмигивали в зеркалах и, прокладывая мой путь как по фарватеру, исчезали в темном горизонте. Все та же опустевшая дорога, с теми же заплатками от многочисленных ремонтов, все те же дома, все те же окна; я вернулся в свой район, не успев досчитать до ста, и вот последний светофор – меня ждали мои друзья. Но... в наших жизнях всегда присутствует какое-то «Но...», которое всегда появляется тогда, когда ты не готов. Как говорят: «Век живи, век учись». Вот и я жил, жил и учился, и встретил своё «Но...» совершенно не ожидая, чтобы оно меня чему-то научило.

Ночное московское время, как оказалось, это не только время драйва и скорости, это хорошее время для дорожных работ. Работ, на которые я прежде никогда не обращал внимания, но если я их не замечал, это не значит, что их нет, и они проходили в нашем районе каждую ночь. Дорожная работа под названием «очистка улиц от зимней пыли» была в жизни нашего города в весенние месяцы и днем, и ночью. И каждую ночь на наши дороги выполняли тысячи водовозов с пенным раствором, чтобы осушить свои цистерны на проезжей части московских улиц. Несознательная, а может, и сознательная борьба с гонщиками проходила с часовыми интервалами, но чище от их ползанья по графику все равно не становилось, и нам приходилось лишь сбавлять газ.

Тогда я этого не знал и был застигнут этим незнанием врасплох.

Мне оставался последний поворот, за которым я слышал громкую музыку, но мое «Но...» опережало меня, повернув перед моими глазами в мой поворот. Это «Но...» было оранжевого цвета и прибивало грязь к обочине, забрасывая тротуар пеной. Оно величаво удалялось от меня, показывая значимость своей фигуры мигающим знаком обгона слева, и я не понял этого «знака». Я пересек перекресток, уходя за этим оранжевым чудовищем, включил пониженную скорость и открутил газ. Вмиг колеса подо мной потеряли сцепление с этой запененной дорогой, а я, докручивая тахометр, придал им еще больше силы. Мотор взревел как израненный зверь, и через мгновение физика сделала свое дело за меня. Через секунду нас вынесло на кусок сухого асфальта, и сцепление с дорогой оказалось молниеносным. Еще секунда, и мы с моим рычащим зверем уже продолжали свой путь в отдельности друг от друга. За несчастный миг мой мотоцикл превратился в дикого, необъезженного скакуна, который взмыл в воздух, поднялся на задние копыта в диком танце, и с бешеным ржанием скинул своего наездника. А

дальше всё происходило как по сценарию из фильмов про каскадеров. Мой мотоцикл продолжал свое движение в гордом одиночестве, проехав метров пять на заднем колесе и с грохотом рухнув набок в конце этой дистанции. Скользя по мокрому асфальту, он выжигал из-под себя парад из искр, и это красивое ночное зрелище сопровождалось скрежетом железа. Всю эту картинку ночного фейерверка я наблюдал, кувыркаясь позади, и чередовал её с болезненными ударами об асфальт. Вспышки фонарей, небо, асфальт и снова небо – я кружился по дороге в нижнем брейке, оставляя на ней клочки не своей кожи. Удар за ударом, вспышка за вспышкой, пытаюсь ухватиться руками за гладкую, как отполированная доска, дорогу, я катился кубарем, не понимая, когда закончится моя безумная пляска. Последний удар, и я подкатился к своему дикому другу на спине, не достав до него пару метров.

Мне показалось, что еще секунда, и из-под моей искусственной кожи вырвется пламя огня, но это были всего лишь мои физические ощущения, и так же быстро, как всё это началось, так же все и закончилось, хотя тогда для меня эти секунды были бесконечностью. Мы остановились практически одновременно: мотоцикл в полуметре от бордюрного камня, а я в паре метров от него. Ну а дальше шок, боли пока не было, был только шок и череда картинок последних нескольких секунд моей жизни. Хорошая штука этот принцип самосохранения, перерастающий в шок, ведь человек в шоковом состоянии способен на многое. Он способен сдвинуть многотонную машину, прыгнуть в длину на столько, что спортсмены, которые тренируют свои навыки каждый день, только позавидуют, пробежать стометровку с рекордным временем, в общем, сделать то, что в обычных условиях ему не под силу. Это как в игре – шкала супер удара, которая резко поднявшись вверх, даёт тебе право на победу в практически проигранном раунде. Главное, правильно и быстро его использовать, зацепиться за это мгновение, потому что она появляется так же быстро, как и исчезает. Многие люди в шоковом состоянии спасали свои и чужие жизни, несмотря на сложность задачи. Секундный супергерой, что живет в каждом из нас, в такие моменты вырывается на свою недолгую свободу и даёт нам право на еще один шанс. Я смутно помню, как я оказался рядом с мотоциклом, схватил его за руль и попытался поднять с бока. Его раскаленное масло растекалось по дороге, дополняя эту мыльную оперу своим черным видом и исходящим паром. Я резко дернул вверх и поднял эти сто шестьдесят килограмм вертикально, параллельно пытаюсь найти подножку. Мои руки, крепко держащие руль, начинало потихоньку подламывать, а ноги с каждой новой секундой становились менее послушными. Головная боль, нахлынувшая так резко, как и вся эта ситуация, сдавливала мои виски, но я удержал свое шаткое равновесие и поставил мотоцикл на подножку. Отпустив ручки, я отошел от своего истекающего друга и присел на бордюр, стягивая с себя шлем. Переведя дух, я огляделся и увидел, как с площадки приближаются огни и рев едущих в мою сторону мотоциклов.

«Странно, откуда они узнали...» – промелькнуло в моей голове. Ведь пока я участвовал в этом спектакле, в округе не было ни души...

Голову вновь пронзила немая тупая боль как после хорошо проведенного вечера, и тело начало знобить в судорожной лихорадке. Я начал осматривать и ощупывать части своего тела и наткнулся на резкую боль в плече, что не позволила поднять мне руку выше уровня глаз.

Первый, из той, стремящейся в мою сторону толпы, припарковал свой байк и уже бежал ко мне. Следом остановился еще один и еще, и еще. За ними стали подтягиваться машины.

– Ну, ты как? Живой? – прокричал первый подбежавший, это оказался Пашка. Склонившись надо мной, он продолжал свои вопросы с лицом старшего брата, увидевшего, как его младший свалился с дерева: – Что случилось? Скорую вызвать? Ты слышишь меня?..

Видимо со стороны мой вид был не очень, и я напоминал человека, нуждающегося во врачах.

– Да, нормально все, – взяв секундную паузу, все так же сидя на бордюре, вымолвил я. – Бывало и хуже.

– Ну... раз шутишь, значит и вправду все нормально, – склоняясь надо мной, успокоился Большой, вокруг которого уже стояла толпа. – С первым падением тебя, – добавил он, хлопнув меня по плечу, разбавляя тем самым окружившую меня обстановку.

Но тут резкая боль вновь вернулась в мое ознобленное тело и пронзила мою левую сторону, выражаясь на лице непередаваемой гримасой.

– Точно, всё нормально? – переспросил он, уже ощупывая место похлопывания. – У тебя что-то с плечом, вот бугор, – остановив свою руку на искажении под слоем кожи, высказал он свою озабоченность, аккуратно сжимая этот торчащий холмик.

– Уже не уверен, – понимая, что от этого сдавливания мне не становится лучше, ответил я, пытаюсь выдавить на своих губах подобие улыбки.

– А как вы узнали, что я тут кувыркаюсь? – осматривая эту толпу, поинтересовался я, пытаюсь сменить тему плеча.

– Да ты такой парад планет показал, что сложно было не заметить, – подключился стоявший рядом с Большим Андрюха. – Звук подъезжающего мотоцикла, потом резкий рев, фары в небе, ну а потом грохот и искры. Все ясно как белый день, – ухмыльнулся он. – Как тебя угораздило-то?

– Сам не понял, – сказал я, не желая разбирать сейчас причину моего полета, хотя она была и так всем ясна.

– Что там с мотоциклом? – пытаюсь подняться с бордюра, спросил я, увидев, как несколько людей окружили его.

– Вроде всё нормально... Лучше... чем у тебя, – подметил Димка, который был среди той компании.

– Так что с ним? – переспросил я, встав на твердую землю, опираясь на Андрюху.

– Ерунда, крышку пробил, зеркала сломал, ручку сцепления загнул, ну и бок потер, вроде всё, – ответил Димка, улыбаясь такому исходу, ведь все прекрасно понимали, что могло быть и хуже, и это хуже было всего в нескольких метрах.

– Ты лучше в травмпункт скатайся, пускай тебя доктора осмотрят, – продолжил он. – А за него не переживай, это всего лишь железка.

– Кто на машине? – вглядываясь в лицо каждого, кто не был одет в мотоциклетную одежду, добавил он, но все лишь молча наблюдали.

– Я уже нашим друзьям позвонил, сейчас будут, – резво вставил Андрюха, также оглядев присутствующих, которых видимо больше интересовало не мое здоровье, а шоу, которое я показал.

После заявления Андрея они, не спеша, расселись по своим четырехколесным творениям и поспешили удалиться, ведь представление было окончено, и теперь они смело могли обсудить это на том месте, с которого их сорвал грохот и асфальтные искры. Лишь мои новые друзья остались дожидаться «экипажа быстрой помощи».

В этом десятиминутном ожидании они шутили, рассказывая о своих неудачах, своих падениях и своем везении, они пытались приободрить меня, смеясь над всей этой ситуацией, потому что каждый из них проходил через подобное в той или иной степени. И эта поддержка отвлекла меня от мыслей поражения, я также смеялся, как и они, и совсем не заметил, как на горизонте появилась машина Ярика.

Остановив свой болид прямо посередине дороги и включив аварийку, оттуда высыпались сам Ярик, Женька и Олег. Подойдя на расстояние вытянутой руки, они потеснили присутствующих и, осмотрев место аварии и ее виновника, засыпали меня уже знакомыми мне вопросами.

– Как ты так? Что произошло? Как тебя угораздило?..

– Ребят, хорош! – не дав мне сказать и слова, обрубил их Андрюха. – Его в травму отвести надо, а не допрос с пристрастием устраивать.

Слегка озадачив их своим высказыванием, он взял мой мотоцикл за ручки и начал распределять роли.

– Олег, сможешь до гаража докатить, пока они скатаются? – вопросительно посмотрев на наших друзей, высказал он.

– Хорошо, – не заставляя себя ждать, ответил Олег, взглянув на лужу масла под мотоциклом. – С тобой скататься надо? – уже зная ответ, все же спросил он.

– Я думаю, нет, – сказал я, кивнув ему в сторону Ярика и Женьки, которые немного застопорились, ожидая дальнейшие указания от Андрюхи.

– Как скажешь.

– Ну что стоим, поехали, – опомнился Ярик, и через мгновение я уже сидел на заднем сидении его машины.

Мы тронулись, и позади нас остались припаркованные мотоциклы с их хозяевами, что не спешили разъезжаться. Олег с Андрюхой и Большим развернули мой байк и медленно показали его в сторону гаражей, а мы исчезли за поворотом.

«Какие всё-таки люди, эти мои новые друзья...» – думал я, пытаюсь не обращать внимания на боль и не думать о последствиях... Люди с большой буквы «Ч», не умеющие оставлять товарищей в беде, ведь чтобы быть человеком, не так много нужно, и этого в них хватало сполна. Они все такие разные, но живут одним чувством свободы. Работники офисов, охранники, управляющие или просто бездельники, они поглощены одной темой, и эта тема их объединила в одно целое, в то самое, что можно легко назвать братством. Первый раз, видя человека, они пришли на помощь, и всем своим видом показали мне, что всё происходящее им небезразлично. Они не просто приехали поглазеть, они приехали поддержать, и я принял эту поддержку, радуясь, что она у меня есть.

Хорошие дела могут принадлежать только хорошим людям, а их не так много, как и их поступков...

После моего быстрого рассказа о произошедшем, всю оставшуюся дорогу мы молчали, лишь встречаясь взглядами в зеркале заднего вида. И по этим глазам Ярика я читал немой вопрос: «Как же тебя так угораздило?.. Как? Зачем ты это сделал?».

Хороший вопрос: «Как?», а еще лучше: «Зачем?», ведь покупка мотоцикла была тайной не только для моих родителей, но и для моих друзей, которые тоже начали бы меня отговаривать. Но дело уже было сделано, оставив второй немой вопрос без ответа, а разобраться с первым мне еще только предстояло.

У меня было время обдумать его, и это время я дал себе сам, ведь всё, что с нами происходит, это лишь следствия нашего выбора, а следствия всегда имеют свои последствия. Не случись со мной это тогда, это могло случиться позже, и на этом могла закончиться эта история. Я мог легко надломиться как неокрепшая ветка, отодвинув эти чувства, что ощущал несколько часов назад, на второй план, тем самым оставив свою надежду на свободу, и позже я бы не встретил людей, которые мне стали так дороги. Я бы запер под огромный амбарный замок все эти пылающие чувства, которыми уже обладал, и надломленный своим поражением был бы в бешенстве от самого себя. Я бы опять продолжал свое тихое существование, размеренно превращаясь в серость улицы, но я не мог так поступить с собой, и, сидя на заднем сидении машины Ярика, я знал, что мой следующий выбор будет точно таким же, как и сегодня.

«Случилось, значит, так должно было случиться...» – успокаивал себя я, а будущее покажет, какие уроки я могу из этого извлечь...

Я не заметил, как мы въехали во двор травмпункта, где рядом с парадной дежурила карета скорой помощи. Ярик медленно припарковал машину прямо напротив входа, и я попытался вылезти с заднего сидения без чьей-либо помощи, но это оказалось не так уж и просто.

Чем больше я находился в неподвижном состоянии, тем больше наливались мои руки, раздувались сухожилия и болело тело, чем больше я был без движения, тем меньше мне хотелось их совершать, но дверь уже была распахнута, и при помощи своих провожатых я все же вылез наружу. Отказавшись от дальнейшей помощи, я в сопровождении своих друзей поднялся по лестнице, ведущей к главному входу, и вскоре пересек черту алюминиевых дверей.

В нос тут же ударил этот лекарственный запах, который мы так не любим с детства. Белые свежеекрашенные стены говорили о недавнем ремонте, а безумное количество пристенных лавочек о популярности этого заведения. Нам повезло, и той ночью обошлось без пьяных дебошей и вечерних драк, и все лавочки оказались пусты. Лишь на входе нас встретил одинокий охранник, сидящий за узким высоким столом, на котором стоял еле светящийся светильник. Окинув нас взглядом, он и дальше углубился в изучение развернутой газеты, не обращая на нас совершенно никакого внимания.

Женька быстро пробежал вперед к приоткрытому кабинету, откуда доносились мужской и женский голоса, и скрылся за дверью. Подойдя к ней ближе, я услышал:

– Доктор, у нас тут проблема, – быстро проговорил он. – Друг упал и видимо что-то себе поломал. Посмотрите?

– Конечно, пускай заходит, – ответил уже более отчетливый мужской голос. – А где он?

– Я здесь, – пересекая порог кабинета, сказал я, увидев сидящего за столом доктора и Женькину фигуру, стоявшую перед ним.

На вид доктору было не больше тридцати пяти; маленькие очки в золотой оправе, острый нос и блестящая голова из-за ранней лысины – вот, наверное, все, что я успел подметить выше его худых плеч в белом халате.

Но вдруг я услышал тот же женский голос, что и несколько секунд назад, и, повернув голову, увидел медсестру, которая сидела в углу.

– М-да, вид не очень, – пристально вонзая в меня свой ярко подкрашенный взгляд, проговорила она и, кокетливо улыбнувшись, слегка откинулась назад к стене. Она сидела на кушетке, опираясь на нее обеими руками и закинув ногу на ногу, походила скорее на представительницу автосалона, нежели на врача. Ее ярко-рыжие распущенные волосы волнистыми линиями спускались на ее белый короткий халат, из которого вырастали длинные ноги на высоких каблуках. И в этом заведении она была чем-то из ряда вон выходящим, но ее агрессивная красота и надменный вид умиляли эти стены, которым приходилось видеть многое.

Доктор резко посмотрел на неё, отсекая своим взглядом всякие последующие высказывания, и перевел взгляд на меня.

– Мотоциклист? – спросил он, пристально вглядываясь в каждый сантиметр моего тела.

– Да, – выдержав паузу, ответил я и, пытаясь объяснить свой вид, стесняясь, добавил: – Начинаящий.

– Ясно, – сказал он, встав со стула. – Проходи вон к той кушетке, – указал рукой на место рядом с медсестрой. – И раздевайся, будем тебя осматривать. Друзья могут подождать возле кабинета, – добавил он, указывая на дверь, адресовав свое послание стоявшим за моей спиной Ярику и Женьке.

Им ничего не оставалось, как молча выполнить это указание, но выходя из кабинета, Ярик не стал плотно закрывать за собой дверь и оставил небольшую щель.

Я прошел к кушетке и начал расстегивать свой комбинезон. И тут я окончательно понял, что без чьей-либо помощи мне будет сложно стянуть с себя эти прилипшие латы. Боль была полностью в своей власти, сковав мои движения настолько, что я даже не смог стянуть с себя рукав, и в этом зависшем состоянии я продолжал стоять в попытках «скорейшего разоблачения». Медсестра, не обращая никакого внимания, встала со своего места и подошла к врачу, который склонился над столом, над какими-то бумагами, и видимо ее участие там было куда важнее ее прямых обязанностей.

Но из-за двери вдруг послышался голос Ярика:

– Может, я ему помогу, – засунув свою голову в дверной проём, обратился он к медсестре.

– Помоги, – обернувшись, ответила она с полным видом равнодушия. И этот стеклянный взгляд мог означать только одно, что в ее рыжей голове не существовало никаких чувств, а уж тем более сострадания.

Он подошел ко мне и начал стягивать с меня одежду как отец новорожденного, с той же осторожностью и трепетом.

Сжав зубы, я терпел, ведь особого выбора у меня не было, терпеть и еще раз терпеть, пока не наступит завтра. Ушибы, кровоподтеки и ссадины скрывались под слоем толстой кожи, но были вскрыты, стоило мне освободиться от этой мото кожуры, и теперь пестрели во всей своей красе, отливая ярко-алым и бордовым цветом.

Закончив свою миссию, Ярик молча удалился за дверь, и уже закрывая ее, окинул меня не очень радостным взглядом. По его глазам мне стало ясно, что мои дела обстоят не очень, и мне оставалось лишь услышать итоговый приговор.

Медсестра, окинув меня все тем же взглядом, подошла ко мне вплотную с небольшим подносом, на котором было несколько тампонов ваты и небольшая колба с непонятной жидкостью.

– Сейчас обработаем твои ссадины, терпи, может пожечь, – принялась она выполнять свою работу, с аккуратной точностью проводя по каждому, подожженному сантиметру моей кожи словно по холсту, на котором она рисовала, отнюдь не красками.

«Да, ощущения не из приятных...» – подумал я, как только она начала рисовать свою «картину»... Мне казалось, что это давно оставленные в детстве чувства вернули меня снова в мои шесть. И вот я опять стою со стертymi коленями перед мамой, а она смазывает их зеленой. Внутри меня всё дергается, хочется сбежать, но мама держит меня за руку, и чтобы облегчить мои страдания дует на только что залеченные раны.

Видимо медсестра прочитала именно это в моих глазах и сделала точно также, что меня безумно удивило и заставило пересмотреть ее безразличие. Врач стоял, облокотившись на стол, и наблюдал за всей этой картиной с долей ревности. По его фигуре можно было понять, что он готов ринуться в бой и отстаивать свои завоевания, но мне до них не было никакого дела, и он прекрасно это понимал.

– Ты закончила? – нервно спросил он, подходя ближе и начиная рассматривать мои травмы.

– Да, теперь он полностью в твоём распоряжении, – закрывая флакон с той отвратительной лечебной жидкостью, лукаво ответила она, оценив улыбкой свою провокацию.

– Спасибо, – выражая благодарность за воспоминания из детства, улыбнувшись ей в ответ, вымолвил я.

На что она лишь так же лукаво подмигнула, быстро проговорив:

– Да не за что, обращайся, – отошла обратно к столу.

Доктор не оценил такого обмена любезностями и торопливо осмотрел моё тело, уже поставив заочный диагноз.

– Ну что, тут всё понятно, нужен снимок плеча. Надевай штаны и пройди в соседний кабинет на рентген, врач сейчас подойдет, – пытаясь избавиться от меня как можно быстрее, проговорил он, отойдя обратно к столу и написав мою фамилию на талоне.

Пачка моих документов с самого прихода лежала на его столе, об этом позаботился Женька, и теперь он мог легко ответить, как меня зовут и сколько мне лет, и даже – женат я или холост.

Еле собравшись, я вышел из кабинета, ища взглядом заветный дверной номер, что доктор написал на клочке бумаги, и к моему удивлению это оказалось напротив. Рядом с этой

комнатой сидели мои друзья. Быстро подскочив со своих мест ко мне, они обрушили на меня град «переживающих вопросов», на которые я пока не мог ответить.

– Ну как?. Что врач сказал? – остановив меня стеной, озабочено спросил Ярик.

– На рентген отправил, – коротко ответил я, указывая рукой на дверь. – В остальном – ничего.

– Ясно, – расстроился Женька, впиваясь глазами в мой выпирающий из плеча бугор. – Болит?

– Да нет, – расстроив его, ухмыльнулся я. – Может, пропустишь?

– Конечно, извини, – быстро нашелся он. – Мы будем здесь.

Да, без одежды всё выглядело несколько хуже, чем в ней, но Ярик всё это уже видел, когда помогал мне раздеться, и его взгляд был менее удивленным, чем у Женьки.

Я сделал три шага и оказался уже внутри этой затемненной просторной комнаты. Не успел я толком осмотреться, из-за спины раздался тихий низкий голос.

– Бумажку мне, а сам проходи и ложись вон на ту кушетку.

Обернувшись, я увидел небольшого человека в белом халате, который стоял за моей спиной и ждал. Я протянул ему листок, и он направился в свой кабинет в кабинете с огромным бронированным стеклом.

– Вон на ту, – увидев мою нерасторопность, вернулся он обратно, указывая мне рукой на ложе, которое стояло практически посередине. – И одеялом вон тем укройся.

Я прошел до середины комнаты и опустился на «фотокровать». Сел на её край и, осматривая здоровый агрегат, что был прикреплен к ней, понял, что это все только начало, и дальше мне предстоит множество таких кабинетов, их обшарпанных стен и таких вот безликих людей, для которых я всего лишь выскочка.

Из смотрового окна вновь высунулась голова пожилого фотографа человеческого нутра.

– Ложись и укрывайся, – приказным тоном проговорил он, всем видом показывая, что был оторван мной от чего-то важного, и к этому важному он хотел вернуться как можно быстрее.

Мне оставалось лишь подчиниться такому развитию событий и, взяв свинцовое одеяло, которое весило килограммов двадцать, я улегся, прикрывая им всё, что ниже груди.

«Тяжеловато было нашим предкам...» – отвлекся от всего происходящего я... Закованные в кольчуги и латы они были как неваляшки, восседая верхом на своих лошадях. И если их сбивали с ног, они уже с трудом могли подняться, впрочем, также как я под этим «пуховым» одеялом.

Из своей комнатухи вновь показался хозяин этих владений. Он, семена, подошел ко мне, настроил свой аппарат для сканирования, поправил свинец и удалился обратно.

Секунда, и я был вновь свободен.

– Всё, готово, жди в коридоре, – раздалось из окошка все тем же приказным тоном, на который я уже не обращал внимания.

Я сдвинул с себя эту мнимую тяжелую защиту и вышел за дверь. Там всё также сидели мои друзья, травя друг другу что-то смешное, но с моим появлением их лица опять стали сосредоточенными. Я присел рядом с ними и не успел перевести дух, как между кабинетами пробежал белый халат с моими готовыми снимками.

– Заходи, – услышал я в ту же секунду, и это обращение было посвящено только мне.

Я встал и зашел в кабинет. Врач разглядывал мои снимки, стоя напротив лампы, рядом с рентгенологом, который, увидев меня, тут же вышел.

– В принципе, как я и думал, – сказал он, не отрываясь от этих черно-белых фотографий.

– Думал как? – забыв о всякой субординации, спросил я, застыв в ожидании. Он положил снимки на стол и взглянул на меня.

– У тебя вылетела ключица с обрывом всех связок, – разглядывая мою реакцию, начал он. – Ну а в остальном все нормально.

– Нормально?! – удивился я.

– Да, нормально! – с долей раздражения он смотрел мне в глаза. – Нужна операция, сейчас вызовем скорую и в больницу. Где у нас сегодня принимают?! – уже обращаясь к медсестре, добавил он.

– В тридцать шестой, – сказала она, уже набирая номер телефона.

В голове всё стало затуманенным, это ему было всё ясно, мне же ничего. Какая операция? Какая больница? Какие, вообще, могут быть последствия этого высказывания?

Углубляясь в самого себя, я перестал контролировать происходящее, как будто всё происходило не со мной, а с кем-то другим, а я просто оказался невольным наблюдателем, которому уже давно хочется уйти с этого спектакля.

– А, может, без скорой обойдемся? – немного собравшись с мыслями, вставил я. – Я на машине, скажите адрес и меня отвезут.

– Нет, так не получится, такие правила, – монотонным голосом ответила сестра, продолжая набирать какой-то номер.

– Доктор... а это серьёзно?.. Что за операция? – обращаясь уже к врачу, спросил я.

– Да не очень, – сменив свой первоначальный тон, начал пояснять он – Твои связки просто уже ушли в плечо. В больнице разрежут, найдут, потом свяжут заново, закрепят и все дела, – словно это было как пришить пуговицу, объяснил он, показав мне, что дальнейшие расспросы бессмысленны.

Да, звучало это намного проще, чем было на самом деле, и мне оставалось лишь довольствоваться этой скудной информацией.

Натянув верх комбеза, я вышел из кабинета и уселся рядом с Яриком и Женькой. Они не задавали никаких вопросов, потому что слышали весь разговор сами, и нам оставалось лишь ждать этот белый экипаж с мигалками.

– Домой сам позвонишь? – оборвал эту чудовищную тишину Ярик.

– Да, – ответил я, только сейчас вспомнив о родителях и уже представляя их реакцию. – Но сделаю это позже, чтоб не беспокоились понапрасну, – делая отсрочку скорее для себя, нежели для них, сказал, и Ярик это отлично понимал.

– Позвони Андрюхе или Олегу, спроси, что с байком, – перевел разговор я.

– Хорошо, – кивнул Ярик, достал телефон и вышел на улицу.

Через минуту он уже вернулся обратно и с улыбкой на лице сказал, что с байком всё в порядке, и он уже стоит в гараже, и, конечно, ждет второй серии.

На входе показался врач скорой помощи. Вглядываясь в наши лица в поисках своего попутчика, он молча прошел в кабинет, но через секунду дверь снова распахнулась, и он уже стоял с документами в руках.

– Ну что, мотоциклист, поехали, – не дожидаясь моего ответа, обратился он ко мне. – Сам в состоянии передвигаться?

– Вполне, – удивляясь такой постановке вопроса, сказал я, встав со скамейки.

– Тогда пошли, будем загружаться, – показывая на часы, поторопил он и, не дожидаясь меня, направился к выходу.

– Давайте, парни, – протянул я руку своим друзьям, но их реакция не заставила себя долго ждать.

– Э...э, мы с тобой, – отводя её в сторону, возмутился Ярик. – Скорой на хвост сядем и довезем тебя до места.

– Тебя в какую больницу определили? – солидарно с возмущением Ярика вставил Женька. – Чтобы найти, если потеряемся.

– Вроде в пятнадцатую, – неуверенно ответил я. – В тридцать шестой места для меня не нашлось.

– Ну, теперь точно не потеряемся, – расхохотался Ярик. – Там, наверное, тоже сестрички симпатичные будут?

– Не факт, – опередил меня Женька. – Но посмотреть стоит.

– Ну что? Грузимся? – посмотрев на выход, за которым уже давно скрылась фигура «перевозчика», поторопил их я, и через несколько секунд мы втроем уже вышли из парадной травмпункта, где меня ждала эта белоснежная карета с синими маяками и распахнутой дверью. Рядом с ней стоял врач с документами, всем своим видом показывая, что мы опаздываем.

– Давай, запрыгивай, у нас еще вызовов вал, – спешно пробормотал он, указывая мне на салон. – Звонят все кому не лень, как будто в больницах сегодня бесплатную лотерею разыгрывают.

Вскоре я сидел в кузове, ожидая, когда за мной закроется дверь, которую придерживал торопливый врач.

– Мы за тобой, – выкрикнул Ярик, усаживаясь за руль своей машины.

В ответ мне оставалось лишь кивнуть.

Дверь захлопнулась, водитель включил люстру, и мы отправились в дом, где ремонтируют человеческие тела как на конвейере.

Через лобовое стекло падал свет от фонарей, чередовавшийся то белым, то синим цветом, который оставался на всем, что окружало мой экипаж. Мы ехали в тишине, никаких тебе расспросов, никаких жизненных наставлений, просто тишина, тишина, понимание и усталость, лишь иногда обрываемая голосами рации. Усевшись на кушетку, я напоминал себе ребенка, севшего на высокий стул и, побалтывая ногами, я разглядывал все эти медицинские приспособления, которые напоминали мне бортовой компьютер на космодроме с множеством непонятных кнопочек и мониторов. Это немного отвлекло меня от мыслей о предстоящем, и я не заметил, как мы пересекли ворота больницы. Фары, всю дорогу двигавшиеся синхронно с нами, отражаясь в задних, заклеенных белой пленкой стеклах, вдруг исчезли, и через секунду наш экипаж въехал в приемную огромного здания. Водитель заглушил мотор и, наконец, выдал единственную фразу за весь вечер:

– Приехали, выгружайтесь, – как таксист высказал он, и врач незамедлительно последовал его указаниям.

Его посаженный множеством сигарет бас был настолько командирским, что если бы у моих попутчиков завязалась беседа, для меня был бы вопрос, кто капитан на этом корабле.

– Чего ждешь, или тебе особое приглашение нужно? – распахнув передо мной дверь, вновь заговорил врач, выполняя вышесказанное поручение как верный юнга.

– Ничего, – поднявшись с боковой лавочки, я направился к выходу, ища глазами своих друзей. Высунув голову из раздвижной двери, я увидел их фигуры, которые спешными шагами поднимались по эстакаде.

Я сделал несколько шагов в сопровождении Ярика, Женьки и спешащего врача, и вскоре нас встретила суeta приемного покоя в полной красе, и это оживленное место с бетонный квадратом пола было всегда таковым, вне зависимости от времени и погоды. Люди в белых и синих халатах хаотично передвигались, на этом маленьком пятячке. Все что-то делали, куда-то бежали, и мой «перевозчик» без труда влился в это движение, оставив нас рядом с выходом. И эту картину суety разбавляли обычные люди, которых привела сюда отнюдь не радость.

Старушка, сидевшая на стуле, безжизненно смотрящая в дверной проём приемной, что-то нашептывала себе под нос, словно читая заговор; веселая компания из пяти человек, видно, изрядно погуляв и найдя себе приключения, успокаивала совсем юную, но изрядно выпившую девушку; старик, стоявший рядом со стулом, опирался на свою клюку; женщина с ребенком лет пяти на руках, с глазами, полными отчаянья, – все эти люди были временными звеньями

одной цепи, и таким же звеном стали мы, дополнив эту картину. Со всеми здесь, что-то случилось, и все чего-то ждали, косо рассматривая друг друга и предполагая причину появления, но моя персона говорила сама за себя, что ни для кого не было секретом, почему я здесь. Белый искусственный свет освещал всю сцену с утвержденными и случайными актерами той весенней ночи, приглашая исполнить свою роль на всеобщее обозрение.

Врач, который меня привез, спешно прошел к окошку приемной, и передал туда мои документы.

– Принимаете? – отдавая листки моего дела пышной женщине в очках, пробормотал он, совершенно не скрывая своей спешки.

Она окинула меня взглядом, полным безразличия, взяла в руки эти бумажки и, указав нам на ряд свободных стульев, разрешила своим громким голосом воцарившийся шум.

– Подождите вон там, сейчас дежурный врач освободится и примет вас, – громко проговорила она, слегка привстав со своего места и оглядев меня с ног до головы.

Мы последовали такому, уже привычному нам указанию, и принялись ждать. Опять ждать, снова – эти минуты ожидания и неизвестности пульсировали у меня в голове, давая мне пищу для размышлений.

– Ну как ты? – заглядывая в мои глаза, спросил Ярик.

– Бывало и хуже, – ответил я уже заезженной фразой.

– Да хватит киснуть, – подключился Женька, хлопнув меня по ноге. – Все будет хорошо.

– Да я и не кисну, просто устал немного, – пытаюсь выдавить улыбку, ответил я, понимая, что рядом со мной близкие люди, для которых моя судьба тоже важна.

Пусть в скором будущем наша жизнь развела нас по разным дорогам, но тогда они были рядом, и за это я был им благодарен.

Вдруг в конце коридора показалась тень доктора в зеленом одеянии и таком же зеленом колпаке. Даже та веселая толпа при виде его слегка притихла и уставилась в его лицо, не скрывая своего интереса. Он медленно прошел по коридору, окидывая всех слегка печальным взглядом, и, подойдя к старушке, что-то сказал ей тихо на ухо, положив свою руку ей на плечо. В ответ она лишь посмотрела на него своими туманными глазами, из которых уже струились слезы. Всем стало ясно, что он принес ей плохую весть, и ее мокрые от слез глаза только подтверждали это. Он взмахнул рукой, и тут же рядом с ними уже стояла медсестра, которая приподняла старушку за локти и, придерживая, увела её в процедурный кабинет. Вокруг повисла вопросительная тишина, но никто не осмелился задать свой вопрос этому вестнику в зеленой робе. Все лишь проводили их взглядами и смотрели на доктора, не скрывая своего любопытства, от которого через мгновение не осталось и следа, стоило старушке исчезнуть за дверью процедурной. После того как дверь захлопнулась, все вновь углубились в свои разговоры или свое молчание, но я до сих пор помню ее бесцветные глаза, в которых была надежда, и которые в один миг превратились в пустоту.

Врач секунду помешкал, оставаясь на своем месте и, опомнившись, прошел к приемному окну. Оттуда сразу показалась рука с моими документами. Он взял их и, оглядев всех присутствующих изучающим взглядом, остановился на мне. Бегло просмотрев эти пару листов, он уже вынес свой вердикт и направился к нам.

– Ну что, спортсмен, пошли, сейчас на анализы и в палату, эту ночь тебе придется провести здесь, – сказал он с полным спокойствием в голосе, так что мы трое прибыли в некое замешательство.

– А как же операция? – тревожно спросил я, надеясь, что тот диагноз неправильный.

– Операция? – ухмыльнулся он, ставя эту надежду под сомнения. – Операция, конечно, будет... Но завтра.

– Как завтра? Я думал, что сейчас, – в замешательстве ответил я.

– Сейчас?! – возмутился доктор. – Ты что думаешь, что всё так просто? Говори своим друзьям «До свиданья» и пошли со мной, а по ходу я тебя обязательно посвящу в тонкости нашей работы.

Я обернулся к Ярику и Женьке, которые недоумевали не меньше моего.

– До завтра, – в очередной раз протягивая им свою руку, и в очередной раз соглашаясь с чужим мнением, вымолвил я.

– А родители? Они же не знают, – пожав мою руку, спросил Женька.

– Я сам завтра с утра позвоню, а сейчас пускай спокойно спят, – ответил я, возвращаясь к своим мыслям о них. – На сегодня с меня хватит ваших сочувствующих взглядов.

– Хорошо... Но... – хотел продолжить Женька, но был тут же остановлен Яриком.

– Заедем завтра, – обрывал он его. – Поехали.

Женьке ничего не оставалось, как согласиться с ним, и вскоре я уже видел их исчезающие спины в дверном проходе.

Мы с доктором направились к лифту, который находился в центре этого здания врачевания болезней и недугов. Его так возмутили мои вопросы, что по ходу нашего движения он еще пару раз нервно хмыкнул, незаметно поглядывая на меня, но я отчетливо это видел. Одну из тонкостей их профессии я уже для себя уяснил, это была тонкость неведения, в которой они держали всех, увеличивая в наших глазах свою значимость. Несколько минут назад он был посланником плохих вестей с каменной мимикой на лице, а уже сейчас он стал важной фигурой, несущей в себе такие важные для меня ответы.

Мы сели в лифт и стали медленно ползти по шахте вверх, на этаж с объясняющим названием «Травматология».

При входе нас встретила старшая сестра, которая сидела за конторкой и перелистывала какую-то газету, она лишь подняла свои глаза, оценивая меня как нового клиента своих владений.

– Определите его в палату, – отрывая её от очередной газетной истории, сказал доктор. – А мы пока пройдем в кабинет.

Она медленно привстала со своего нагретого стула и хотела, было, что-то спросить или сказать, но ей так же как и мне в лицо уже смотрела его спина в зеленой робе, которая плавно удалялась по затемненному коридору. Переглянувшись с этой хранительницей палатных душ, мне ничего не оставалось делать, как следовать за ним.

Он открыл кабинет и исчез в клубе яркого света, к которому проследовал я. Медленно шагая за ним, я пытался разглядеть это место, где мне было положено провести какие-то дни из своей жизни, но из-за тусклой освещенности это было невозможным. Лишь свет из кабинета освещал дверь напротив, а лампа, стоящая на столе у ночной сиделки, освещала только часть стены и письменный стол, остальное пребывало во мраке, и этот мрак захватил здесь все, включая людей на их временных койках.

Я вошел вслед за врачом в помещение, которое целиком и полностью шло вразрез с моим представлением о кабинетах докторов. Только выкрашенные в светло-синий цвет стены оставляли память о своем первоначальном предназначении, остальная обстановка напоминала мне, скорее, комнату отдыха приличного фитнес-центра, чем кабинет врача. Просторный, светлый, с огромным окном напротив входа, он был полной противоположностью увиденного мной в приемном покое, и теперь я точно знал, как отдыхают местные врачеватели. В углу распластался большой диван из коричневой кожи, а рядом с ним стоял маленький журнальный столик со следами от кружек, стену напротив захватили деревянные шкафы с множеством папок, а по центру вросли в пол два стола, стоявшие буквой «Т».

Доктор прошел вглубь комнаты и плюхнулся в огромное кожаное кресло, взяв со стола кружку, с остывшим чаем или кофе, и уткнулся в мои листы.

– Проходи и садись, – откинувшись назад и разглядывая мои снимки, пробормотал он, все так же держа кружку рядом со своими губами.

Я хотел было пошутить, что постою, но с каждой минутой на меня все больше опускалась тяжесть сегодняшнего дня и ночи. Будто на моей спине находился невидимый рюкзак, в который подкладывали и подкладывали невидимые гантели, и под их тяжестью мне становилось сложнее устоять на своих ногах.

– Ну что, Данила, лечиться как будем? – лукаво взглянул он на меня.

– Что значит, как? – не понимая, что он имеет в виду, переспросил я, также как и он, откинувшись на мягком диване.

– Быстро или медленно? – продолжил он задавать наводящие вопросы.

– Конечно, быстро, – надеясь, что уже сегодня я покину это заведение, резво ответил я, готовый уже сейчас пройти в операционную.

– Хорошо, – улыбнувшись такому ответу, обрадовался он. – Сейчас я тебе все расскажу.

Пройдя через весь кабинет, он подошел к маленькому шкафчику, открыл его и взял оттуда небольшой сверток, в котором находились несколько пластиковых пакетов. Углубившись в медицинские термины, он поведал мне все варианты моего скорейшего выздоровления, и всё оказалось совсем не так просто, как мне рассказывал его коллега.

– Ты согласен? – закончив свое повествование, спросил он, держа в руке один из запечатанных свертков, в котором проглядывалась гнутая железка.

– А у меня разве есть варианты? – пораженный тем, с чем мне пришлось столкнуться, поинтересовался я.

– Нет, – всё тем же сухим голосом оборвал он. – Готовься. Сегодня с утра сдашь анализы, а вечером будет тебе операция, – монотонно продолжал он указания к моим действиям. – Сейчас попроси сестру сделать тебе укол обезболивающего и ложись спать, а завтра увидимся, – отложив в сторону сверток, закончил он.

Я, молча, встал и вышел из кабинета, перебирая в голове всё, что он мне сказал. Сестра сидела на том же месте и за тем же делом, за которым мы её застали. Увидев меня, он неторопливо встала, проводила меня в палату, где все обитатели уже мирно сопели и храпели после дневных процедур, и провела к кровати у окна, где горел ночник.

Безумная тяжесть свалилась на мои плечи, вмиг обезоружив меня. Глаза слипались, тело болело, всё вокруг казалось каким-то нереальным, будто всё это дурной сон, и я сейчас проснусь у себя дома, в своей кровати, но это не было сном, и теперь я мог только выдохнуть, готовя себя к новому завтра.

Я не заметил, как оказался под одеялом с закрытыми глазами, потихоньку уходя в дремоту. Мои мысли начали путаться в паутине моего разума, а тело, наконец, смогло расслабиться, привыкая к новому ложу. Перевернувшись к окну, я выключил ночник, так и не дождавшись этой «очень говорливой» женщины с ее уколom, и вскоре я провалился в глубокий сон, дополняя своим дыханием больничный спертый воздух.

Слишком много эмоций для одного дня, слишком много открытий для не готового меня, но я знал одно, когда ты что-то берешь от этой жизни, не забудь что-нибудь отдать ей взамен, или она возьмет это сама.

Впечатления того дня закончились для меня в палате номер девять с поломанными мыслями, множеством ссадин и ушибов, и только потом я понял, что если бы всё это тогда со мной не случилось, это была бы совсем другая история.

Никогда ни вини судьбу в своих поражениях, ведь это всего лишь следствия твоего выбора, которые могут тебя многому научить, главное, всегда о них помнить...

Другая сторона

Больничное утро напоминало утро в муравейнике, суетливое, мрачное, с горьким привкусом лекарств и неисчезающим запахом хлора. Оно началось с того, что я услышал как тяжелая дверь громко хлопнула об дверной косяк, и через секунду раздался знакомый мне голос:

– Просыпаемся на процедуры, просыпаемся! – довольно бодро и громко скомандовала оставившая меня без укола сестра, но, не увидев реакции, повторила еще громче: – Просыпаемся! Встаем, лежебоки!

– Уже? – не выдержал такого напора первый, кто оказался всех ближе к ней.

Кто это был, я не видел, лишь по хриплому звуку угадывая направление, я продолжал лежать с закрытыми глазами, надеясь на то, что это продолжение моего сна.

– Уже! – более громко ответила она, не скрывая своего раздражения. – Сейчас же! – сказав это, как вынесенный вердикт, обрубила она всякое недовольство.

После такого ответа вопросов больше не последовало.

По ее торопливым грузным шагам было ясно, что ее смена уже заканчивается, и последние минуты с нами она хотела провести в нашем полном, безоговорочном подчинении.

Подбежав к каждому и попутно раздавая больничные пилюли, она без особого интереса спрашивала: «Как самочувствие?», но, дойдя до моей кровати, вновь наткнулась на закрытые глаза.

– Подъем! – скомандовала она, дернув за спинку кровати, словно она была моим командиром, а я был самым отъявленным разгильдяем из ее новобранцев.

– Что?! – приоткрыв глаза и слегка сжав губы, переспросил я, не меняя своего лежачего положения.

Мой вид видимо немного напугал эту тучную, спешащую женщину, и, увидев мой взгляд, она тут же сбавила свои обороты.

– Что-что, просыпаемся, сейчас обход начнется, а ты спишь, – проговорила она с быстро натянувшейся на ее лицо искусственной улыбкой, будто извиняясь ею за необоснованную дерзость.

Я это прекрасно видел и не ответил ей ни слова.

– А... а, – словно вспомнив самое важное, еще шире стала улыбаться эта «руководительница пансионата», открывая мне желтизну своей кофейной улыбки, что была подстать ее ржавым волосам. – Ты же новенький... Порядков пока не знаешь, да и назначений еще у тебя нет... – все так же, заискивая своими серыми рыбьими глазами, продолжала она свой монолог и, понимая, что лимит «любезностей» исчерпан, все так же неискренне добавила: – Можешь пока отдыхать, скоро тобой займутся.

Этот суматошный обход, грубость, таблетки на завтрак и уколы вместо утренней сигареты – стали нормой для заведений такого рода, и это стало нормой для многих его обитателей, но не для меня.

Все это время, смотря ей в глаза, я понимал, что все, кто здесь находится, для нее лишь конвейер из больничных листов, смен и премий, а она – «герой труда», носящий белый халат отнюдь не по призванию, а по надобности.

Вскоре, не сказав больше ни слова, она так же громко удалилась, и в нашей палате вновь воцарилась тишина, в которой я смог легко разглядеть всю прелесть моего ночного убежища.

Палата была на шесть человек, и каждый ее уголок был занят. Придвинутые вплотную к стенам койки разделялись тумбочками, на которых лежали личные вещи каждого. Обшарпанные светло-зелёные стены плавно переходили в белый потолок, на котором висели несколько длинных ламп. Огромное окно, крашеное сотню раз, на подоконнике которого поселился един-

ственный цветок, очень похожий на плющ, было как проход в другую жизнь, где все пестрело красками, где мой город уже проснулся, выпуская своих жителей на новые свершения.

Это наверно все, что я смог разглядеть, пока не увидел на себе изучающие взгляды моих пробудившихся соседей. Картинка санатория, который тянул на твердые две звезды, в котором задерживаться я не очень-то хотел.

Я вновь закрыл глаза и отвернулся в сторону окна.

Мне нужно было перевести дух в этой новой реальности, собраться с мыслями, понять, как действовать дальше, чтобы сделать следующий шаг, и я не заметил, как ушел в дремотный сон, так быстро завладевающий моим уставшим телом.

Ерзанье моих соседей на пружинных кроватях с каждой секундой становилось все тише, уплывая от меня куда-то вдаль, как и их негромкие разговоры, пару раз затронувшие мою персону. Меня встречала черная бездна, приятная черная бездна доброго сна, в которую я падал, совершенно не сопротивляясь.

– Доброе утро, Даниил, – услышал я, приятный женский голос, вмиг вернувший меня обратно. – Тебя направили на анализы, просыпайся.

Вновь открыв глаза, я потерял их здоровой рукой, и зрение потихоньку стало возвращаться.

Напротив меня стояла молоденькая медсестра с желтоватым листком бумаги, который она держала перед собой.

– Просыпайся.

– Да... я... и не сплю, – обрадовавшись такой перемене, привстал я с кровати.

– Это славно, – улыбнулась она, и ее щеки налились здоровым румянцем.

Секунду помедлив, не понимая, с чего мне начать мое облачение, ведь кроме лежавшего на полу комбеза и стоявших рядом с ним бот у меня ничего не было, я скинул ноги и обернулся одеялом.

Моя неловкая застенчивость придала ее щекам еще больше румянца, но быстро сообразив, она отступила назад.

– Вы одевайтесь, а я вас подожду рядом с входом, – свернув листок в трубочку и блеснув своим аккуратно подкрашенным взглядом, сказала она.

– Хорошо, – выдохнув, ответил я.

Вскоре ее фигура исчезла за тяжелой белой дверью.

В койках напротив меня лежали и наблюдали за всем этим действием три товарища по несчастью, разного возраста, но с одной проблемой. Которая пока для меня была их общим секретом, но, привстав с кровати, я уличезрел ее в полной красе. У них всех были переломы ног, и на их три головы и шесть рук было всего две здоровых ноги, без гипса. Привстав на ноги, я понял, что мое тело вкусило полностью все прелести вчерашнего асфальта, и еле передвигаясь, я попытался махнуть в знак приветствия им рукой, но резкая боль не дала мне этого сделать. Я был жалок и поприветствовал их, только кивнув в их сторону, взяв с пола комбинезон. Нет, мои ноги и одна рука вполне слушались меня, а лицо было обычным лицом не выпавшегося человека, но фиолетовые отливы, фиолетовые отливы были повсюду, не давая мне до себя дотронуться.

– Мотоциклист? – услышал я хриплый голос, лежащего в том ряду посередине.

– Вроде того, – стянув зубы и натянув низ комбеза, ответил я, подтащив к себе мотоботы.

– О!.. Ходячий, – бодро прозвучало за моей спиной.

Я привстал, обернулся и увидел молодого парня, лежащего на растяжках, в глазах которого была минутная радость нового знакомства.

Гипсовые товарищи, лежащие напротив, тоже заулыбались, изучая меня уже в полный рост.

Осмотрев палату целиком, я понял, с чем связан такой интерес к моим ногам: все присутствующие здесь были в положении лежа и передвигаться без чьей-либо помощи просто не могли.

– И тебе, здравствуй, – я подумал, что мы даже не поздоровались, а они, уже не стесняясь, говорят о моих плюсах и минусах.

– Здравствуйте, – тут же осекся самый наблюдательный, выразив на своем лице неловкость.

Понимая, в чем тут дело, я тут же расставил всё по своим местам.

– Всем привет, меня зовут Даниил, – начал я, всматриваясь в лицо каждого, и, не успев услышать их имена, сразу добавил: – Но... – выдержав секундную паузу, – даже не думайте, что я буду приносить вам чай, я здесь ненадолго. – В палате повисла тишина, и в глазах каждого из них я прочитал неловкость, вперемишку с начинающейся неприязнью к моей персоне, но на тот момент их чувства меня волновали мало, я сказал то, что хотел сказать, а как к этому относиться, было уже их дело.

– Да... мы и не думали, – взяв на себя функцию главного, из больничного квадрата резко выпалил тот, кто лежал напротив, посередине. – С чего ты взял?

– Ни с чего... так... на будущее, – окончательно убедившись, что мой диагноз верен, ответил я, вновь посеяв молчание.

Двое, по бокам палатного «главаря», сделали вид, что этот разговор их не интересует. Мужчина лет сорока, что был слева, уткнулся в журнал «Афиша», видимо, изучая программу передач, а молодой парнишка справа быстро нашел себя в телефоне, бегая по его маленькому экрану, словно по энциклопедии. Лишь их предводитель смотрел на меня глазами, полными возмущения.

За те несколько секунд нашей дуэли, его щетинистый рот приоткрылся и вновь закрылся два раза, не вымолвив больше ни слова, и это вполне меня устраивало, впрочем, как и вид моего соседа слева, который все так же широко смотрел на меня, напоминая мне первоклассника первого сентября. Единственный, кто не участвовал во всем этом, был черно-седой иностранец, что лежал в самом углу, растянутый за ноги, словно тряпичная кукла. Его персону я заметил в самый последний момент, когда моим ногам оставалось всего несколько шагов до выхода, но увидев это искалеченное тело, я приостановился.

– Даниил, ты скоро? – показалась голова молоденькой медсестры, которая все это время стояла за дверью.

– Да... – переключив свое внимание на выход, – Я уже... – растерянно ответил я, еще раз взглянув на этого постояльца.

– Тогда проснись и пошли, – хлопнув своими большими ресницами, чтобы я поторапливался, сказала она, и вскоре я оказался в коридоре.

Как потом мне было поведано парнишкой слева, этот бедолага, что приковал мое внимание, попал в заведение под номером пятнадцать месяц назад после ужасной аварии и с множественными переломами. Он был арабом, что объясняло наличие бороды, черных, словно нарисованных бровей и цвет его кожи. Он совсем не говорил и не понимал по-русски, и общался исключительно через переводчицу, которая приходила каждый день и по совместительству была его невесткой. Он был здесь чужим, и все, что с ним случилось, приковывало его взгляд лишь к потолку, на котором он пытался сосчитать, сколько этого ужаса ему осталось вытерпеть. А наши персоны ему были совсем не интересны, потому что его горе было лишь горем его семьи.

Я вышел в коридор и направился вслед за медсестрой в процедурный кабинет, шаркая мотоботами по помытому линолеуму.

– Другой одежды нет? – поравнявшись со мной и пристально разглядывая мои нестандартные расстегнутые сапоги, сбавив свой семенящий шаг, спросила она.

– Нет, – мысленно добавив: «А откуда ей взяться!?!», удивился я, и вновь столкнулся с ее глазами.

– Ты позвони... попроси, чтобы привезли... костюм спортивный... или халат, ну и тапочки, конечно... а то у нас так ходить не принято, – озираясь по сторонам, словно боясь кого-то встретить, сказала моя провожатая и, не дав мне ответить, тут же добавила: – Есть, кому позвонить?

В этом вопросе молодой симпатичной медсестры легко читалось, что она скажет, если я отвечу «нет» – и вскоре халат ее брата или бывшего молодого человека висел бы у меня на спинке кровати, но мне было кому позвонить, и ее легкое кокетство было совсем мне не нужно.

– Да, я обязательно позвоню, – сказал я, увидев, как поднятые уголки ее губ вернулись вниз, и она прибавила шаг, но словно опомнившись, вновь поравнялась со мной.

Эта реакция, выдала тот ответ, который прокрутился у меня в голове, и мне даже стало ее немного жаль, хотя я мог и ошибаться.

– Я позвоню друзьям, – пояснил я, словно оправдываясь, и это нелепое добавление вмиг вернуло улыбку на ее лицо.

Дальше мы шли, молча, в самый конец длинного коридора, где располагалась заветная дверь. Я так же продолжал шаркать своими мотоботами и ловить кокетливые взгляды моей спутницы, но помимо этих взглядов я смог отлично изучить свое ночное пристанище во всей его красе. Теперь передо мной раскинулась вся его прелесть, и все, что ночью скрыл сумрак, теперь отражало утренний свет. Пол, по которому ходили немногочисленные пациенты в домашнем трико, был покрыт желтым линолеумом, который точно помнил «Советский союз»; стены, покрашенные с десятков раз в разные «нейтральные» цвета, увешивали всевозможные стенды, олицетворяющие это отделение; множество дверей, с лампами над входом, скрывающих множество историй; множество людей, которые здесь были, и множество того, что я видел впервые. Цветы, расставленные по углам и на подоконниках огромных окон хоть как-то облагораживали этот периметр, но сколько бы их сюда ни поставили, от этого никому из здешних «пришлых» не становилось легче, ведь, сколько ни сласти соленую воду, она не станет вкуснее.

Моя экскурсия закончилась в самом дальнем углу от моей палаты, напротив двери с табличкой «процедурный кабинет», за которой вскоре исчезли две наши фигуры.

– Любишь скорость? – указывая мне на высокую кушетку, затянутую полиэтиленом, заговорила она вновь, проходя вглубь кабинета.

– Люблю быть не как все, – присаживаясь и не задумываясь, ответил я.

– Круто, – ухмыльнулась она такому дерзкому ответу: – И какой у тебя мотоцикл?

– Спортивный... черный, – не понимая, как ей объяснить, начал я, и увидев в ее руках шприц, немного растерялся в ожидании ее дальнейших действий: – В общем, красивый! – гордо заявил я, не сводя глаз с тонкой иголки, что должна была пронзить мое, и так уставшее и больное тело.

– Теперь, наверно, такой же красивый, как ты? – рассмеялась она, не скрывая, что заметила мою растерянность.

– Нет, ему повезло больше, – сказал я, привставая с кушетки, но тут же был остановлен ее рукой.

– Я тут сравнительно недавно работаю, – продолжила она, – но пару таких как ты уже видела.

– Каких? – еще больше напрягся я.

– Таких! – убрав с моего плеча руку и вновь вернувшись к столу за пробирками, резко выпалила эта носительница белого халата и, стоя ко мне спиной, добавила: – Мотоциклистов, поломанных и стертых об асфальт.

Она произнесла это так, как будто мы – отдельная каста больных, которых предупреждали, которым говорили, но мы все равно сделали по-своему.

– Не повезло им, – нехотя ответил я, представив, как эту молоденькую девчонку натаскивали за чаем ее взрослые, «мудрые» старшие медсестры, представительница которых посетила меня с утра.

– Да, со стороны вы красиво смотрите... – вновь развернувшись ко мне, продолжила она говорить услышанные когда-то слова. – Но когда видишь последствия... Ой, вы же такие молодые... А так себя губите... – все это она сказала, покачивая головой, словно моя первая учительница.

– Извини за нескромный вопрос, а тебе сколько лет? – оборвал дальнейшее понукание я.

– Мне? – переспросила она, не понимая, к чему этот вопрос.

– Да, тебе, – совсем потеряв чувство такта, повторил я.

– Мне... двадцать, – еле слышно, с видом растерявшейся студентки ответила она, так и не поняв, почему я спросил про возраст.

Объяснять это я даже не думал, я просто представил ее через двадцать лет и мне вновь стало жаль то, во что она превращается, даже не понимая этого.

– Учишься? – продолжал я, перетаскивая инициативу вопросов.

– Уже закончила, – смочив вату в спирте и протерев мне руку, сосредоточилась она. – Медицинское училище... Но думаю, поступать на высшее.

– Так ты не думай, поступай, – наклонился я к ней, почувствовав легкий запах ее духов, забиваемый резким запахом спирта.

Она немного отклонилась и, улыбаясь, вонзила иглу в мою вену. Забирая из меня красную жидкость, она смотрела на меня глазами, в которых читался вопрос: «Что ты можешь мне рассказать о жизни, мальчик?», и эти глаза так пытались походить на своих старших «товарищей по цеху», что мне стало страшно. Ее все устраивало, и с каждым новым днем желание стать выше угасало в ее мыслях, одевая на свою хозяйку белый, застиранный халат.

– Ты давно ездешь? – закончив свою процедуру, снова вернулась она к разговору о мотоциклах.

– Один день, – улыбнувшись, ответил я, повесив на ее лицо возмущение. – Ты мне лучше расскажи, что меня здесь сегодня ждет.

Секунду помолчав, она осуждающе посмотрела на меня и начала свой маленький рассказ про мою дальнейшую жизнь, которая обещала быть «веселой».

Иголки, капельницы, бинты и таблетки обезболивающего... смердящая палата, утренние обходы и растянутые минуты – вот самая малость из моего описанного будущего, которое я сам себе уготовил.

Закончив все свои дела с наработанной ловкостью, она сказала мне, чтобы я направлялся в палату и ждал следующей серии уготовленного мне сериала.

Медленно прошагав по известному пути, я открыл дверь в свою новую обитель, где все оставалось на своих местах.

– Где тебя так угораздило? – услышал я вопрос, не успев дойти до своей кровати.

– На дороге, – резко ответил я, давая понять, что дальнейшее обсуждение бессмысленно.

– Авария? – не обращая никакого внимания, продолжил мой, прикованный к кровати, сосед.

– Нет, просто упал, – взяв в руку телефон, лежавший на столике и обнаружив один пропущенный вызов, ответил я все с той же интонацией, которая его, видимо, не смущала.

Он хотел, было, продолжить, но телефон снова зазвонил и остановил его.

На дисплее засветилось слово «мама», застав меня в полном замешательстве.

Я быстро собрался с мыслями и, показав всем рукой, чтобы замолчали, нажал кнопку ответа.

– Да, мам, – набрав в легкие побольше воздуха, сказал я, стараясь изобразить заспанный голос.

– Ну и где ты? – не скрывая своего волнения, спросила она.

– Да я тут... у девушки остался, – соврал я, не задумываясь. – Забыл написать, извини.

Секунду помолчав, видимо вспомнив все мои ночные гуляния без прилежных звонков, она продолжила, сменив тон волнения на нотки строгости.

– Во сколько ты будешь дома? – сказала она, словно меня ждал праздничный обед, на который я уже опаздывал.

– Вечером или завтра с утра... Скорее всего, завтра с утра, – обрубил я.

– У тебя точно всё хорошо? – задала она свой контрольный, такой обычный для меня вопрос.

– Да, мам, ты вообще-то меня разбудила, – продолжал врать я, понимая, что еще секунда, и мои соседи по комнате выдадут меня своим гулом.

– А-а... Ну, хорошо, – растерялась мама.

И не дожидаясь, когда она опомнится, я тут же вставил свое обычное: – Пока, мам, я позвоню.

– Пока, – слегка раздраженно прозвучало мне в ответ, и наш разговор был закончен.

Я перевел дыхание и оглядел всех присутствующих.

– И как зовут девушку? – выдал парень, лежавший напротив, привстав на локти и еле сдерживая смех.

– А ты когда ногу поломал тут же маме позвонил? – вопросом на вопрос ответил я, не оценив его юмора.

Мой ответ развеселил всех присутствующих, кроме этого остряка, который, не зная, что сказать, всем своим видом пытался показать, что этот смех адресован не ему.

Смотря на все это, я вышел из палаты и начал набирать Олега.

– Аллю, – ответил заспанный голос.

– Здорово, не разбудил?

– Привет, нет, – озадаченно произнес Олег. – Что-нибудь случилось?

– Всё случилось еще вчера, забыл? – продолжил я палатную дуэль остроумия и, понимая, что с утра не до шуток, тут же поправился. – Мне нужна твоя помощь, слышишь?

– Да, слышу, говори, – как будто уже подготовив листок с ручкой, чтобы записать, быстро ответил он.

Я не заставил себя ждать и сразу рассказал ему о больничных пожеланиях:

– Мне в больницу нужна сменная одежда и тапочки, так как мне придется провести здесь еще какое-то время.

– Ясно, в течение часа привезу, – без лишних расспросов ответил он. – Жди.

– Хорошо, – сказал я, нажав на кнопку отбоя.

Много слов в таких ситуациях наверно лишнее, и мы оба это понимали.

Я вернулся в палату, лег на кровать и стал медленно погружаться в сон, думая о том, что ждет меня завтра. Уже где-то вдалеке, слыша разговоры своих соседей, в моей голове был один единственный вопрос, даже не вопрос, а представление реакции, которая ждала меня дома.

Я представлял разговоры, которые, наверное, ждали бы каждого в моей ситуации.

Мы тебе говорили... Мы тебя предупреждали, но ты никогда никого не слушаешь... Посмотри, до чего доводят тебя твои игрушки... Когда ты уже повзрослеешь?! Ну! Теперь-то ты доволен!?

Всё также, как и много лет назад, когда вместо того, чтобы заниматься плаванием или танцами, я записался в секцию кик-боксинга, и не прошло и месяца, как мне сломали нос. Мама была с одной стороны очень расстроена, а с другой стороны рада, мечтая, что вдруг я передумаю и заброшу эти занятия, но я и не думал бросать. С каждой новой травмой у моих

домашних вырабатывался иммунитет, так что даже обширное сотрясение мозга и неделя тошноты их уже не удивили. Но начало моих рвений было ужасным. А здесь новое занятие и новые проблемы со старыми выводами и старыми укорами. Меня разбудил телефонный звонок Олега, который уже стоял внизу с тренировочным костюмом и тапочками подмышкой.

– Да, – ответил я так же сонно, как Олег всего час назад.

– Мы внизу, ты на каком этаже?

– Не помню... меня положили в травматологию, – и, понимая, что хочу выйти из этого затхлого помещения, тут же добавил: – Лучше давай я сам спущусь.

– Хорошо, – услышал я в ответ бодрый голос Олега. И через мгновение я уже выскочил из палаты.

Я направился в сторону лифта, и по дороге встретил вчерашнего доктора, который разговаривал с молоденькой медсестрой. Он что-то быстро ей сказал и пошел ко мне навстречу.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – улыбаясь, словно я его давнишний друг, спросил он, осматривая меня с ног до головы.

– Уже лучше, но всё равно не очень.

– Так, ты особо здесь не разгуливайся, лучше в палате лежи, а через час тебе начнут ставить капельницы и готовить к операции, – сказал он, бережно похлопывая меня по здоровому плечу.

– А когда будет операция? – уточнил я.

– Вечером, или ночью, – сказал он, словно это был поход в магазин. – Не переживай, всё сделаем в лучшем виде.

«Как же всё резко меняется, когда идешь на их условия... – думал я, смотря на служителя «бесплатной» медицины... – какие же они все лицемерные.

Они готовы стать самыми заботливыми и бережливыми, когда видят в тебе того человека, который вместо заселения в трехзвездочный отель готов доплатить, чтобы заселиться в пять звезд». Мое сравнение с отелями не просто так, ведь принципы взяты именно оттуда, пускай и неофициально. Никому не хочется болеть, быть немощным и беспомощным, когда можно это избежать, и мы готовы пойти на эти условия, добавляя несколько прожиточных минимумов в их черную копилку. Они вынуждают нас, ведь у них есть то, что надо нам, а у нас найдется то, что надо им, такая договорная круговая порука без срока давности, лишь коробки конфет сменили бумажки с российскими городами. Без этого ты будешь обычной папкой с номером дела и историей болезни, задвинутой в самый низ стола, потому что ты не сделал ничего, чтобы тебя положили наверх.

– Ну, если что, ты знаешь, где меня найти, – проговорил он, уже совершенно другим тоном нежели вчера, все так же похлопывая меня по плечу и скалясь своей искусственной улыбкой.

– Да, конечно, – состроив такую же гримасу, ответил я.

– Не стесняйся, если что, заходи, – добавил этот техник человеческих тел и, не смея себя задерживать, удалился в свой кабинет.

Я продолжил свой путь до лифта, у которого стояли несколько людей в халатах и домашних тапочках. Молча ожидая, когда он придет, мы разглядывали друг друга, ставя свои диагнозы, но единственный правильный диагноз заключался в том, что мы здесь не по своей воле.

Но вдруг, сопровождаемые железным скрипом, двери открылись, и мы строгой шеренгой вошли в эту тесную коробку. Только здесь я увидел огромное зеркало, висящее на стене, из которого на меня смотрел молодой парень, в сопровождении уставших лиц. Его тело, с притянутой жестким бинтом рукой, скрытое майкой, отливало синим, а лицо отлично сочеталось с серыми стенами.

«Да, видок на пять с плюсом... и в таком виде показываться перед моими близкими просто нельзя...» – подумал я, надеясь на то, что завтра всё изменится.

Первый этаж раскинул перед нами все прелести вокзальной жизни, неотъемлемой частью которой мы стали тут же, стоило нам пересечь линию лифтовой шахты. Всё, так же как и там, за исключением лишь одного отличия – на вокзале не ходили люди в пижамах, халатах и тапочках. Гости этого здания походили на провожатых, стоявших на перроне, а больные, больные были похожи на туристов санатория, чья остановка была не место, а день. Кто-то стоял рядом с окном, а кто-то присел на лавочки, кто-то ходил медленным шагом, а кто-то держался за руки, но, несмотря на все это, все здесь были заняты одним, все разговаривали.

Я прошел по центру зала, выискивая из толпы присутствующих Олега и привлекая посторонние взгляды к своей туго перебинтованной персоне; увидел своих друзей. Олег с Яриком стояли рядом с входом, вглядываясь вглубь коридора, но, увидев меня, они сразу направились в мою сторону.

– Привет, экстремал, – махая мне рукой, выкрикнул Ярик, чье радостное лицо не могло не радовать.

– Привет, – улыбнулся я.

– Что говорят врачи? – поинтересовался Олег, передавая мне пакет, в котором скрывалось мое новое облачение.

– Вечером операция, будут вшивать мне лишние запчасти в тело, а в остальном, говорят, что все хорошо, – ловя взгляды своих друзей на перетянutom плече, пояснил я, породив тем самым еще больше вопросов.

– Какие еще запчасти? – заинтересовался Ярик.

– Пластину, чтобы держала мою ключицу, – сам особо не понимая, как это будет происходить, сказал я. – Был еще вариант с гипсом на сорок пять дней, но он не даёт никаких гарантий, – пояснил я свой выбор.

– Весело, – слегка задумавшись, ухмыльнулся Ярик.

– Пойдем лучше на улицу, – переводя тему предстоящей ночи, сказал я, указав на дверь. – Воздухом подышим.

Моим друзьям ничего не оставалось, как последовать за больным, и вскоре мы стояли рядом с парадной, вдыхая весенний воздух, принимая солнечные ванны. Они не стали меня поучать, наставлять на будущую жизнь, углубляться в расспросы. Они просто стояли рядом со мной, молча вглядываясь в горизонт.

– Завтра с утра меня забрать сможете? – разорвал я эту тишину.

– Конечно, сможем, – кивнул Олег.

Мы попрощались, и я вновь направился в комнату ожидания, не замечая этих пристальных взглядов с вопросами, что случилось с этим перебинтованным парнем в непонятном одеянии. Я проследовал по знакомому маршруту до палаты и улегся на кровать, отключил телефон, выключая с ним все мысли о предстоящих звонках и расспросах, и стал ждать, ждать и еще раз ждать.

Постояльцы моей обшарпанной комнаты что-то друг другу бурно рассказывали, споря и соглашаясь, но меня ровным счетом не волновал происходящий вокруг меня хаос. Меня волновало только одно, одна мысль и одно желание – это быстрее вырваться отсюда и забыть об этом месте, желательно навсегда.

Через полчаса вошла медсестра с капельницей и стойкой под неё. Молча поставив её рядом со мной, она быстрым наработанным движением проколола мне вену, в которую потихоньку начал вливаться коктейль из глюкозы и всяких медицинских растворов. Сказав мне, чтобы я лежал смирно, и как только жидкость закончится, позвал её, она удалилась.

Мне ничего не оставалось делать, как вновь подчиниться этому указанию, и я оставался неподвижным, смотря то на стеклянную колбу с жизненным эликсиром, то в окно с красивым видом весеннего МКАДА. И теперь всё в моей затуманенной голове начало вставать на свои места, и то, в чем я боялся себе признаться, становилось всё более понятным, и правомерным.

С нами всегда происходит то, что мы заслуживаем, и чтобы стать честнее с самим собой, надо пройти через многие испытания, а чтобы стать тверже, надо поломать себя в себе. Чтобы понять то, что на самом деле тебе нужно, тебе надо многое попробовать и делать свой выбор каждый день, ведь даже в магазине при покупке продуктов ты всё равно выбираешь. Выбор, вот проблема многих, а я свой выбор сделал, правда, тогда еще не понимая, к чему он меня приведет. Моё любопытство привело меня на этот этаж, с разговорами о болезнях и о том, что человек – это кроха в этом огромном мире. Мне нужно было оказаться между этого большого хаоса, чтобы понять нечто из главного в моей жизни, то, что я взял билет в один конец и уже сижу в своем кресле, пристегнутый всеми ремнями мнимой безопасности, а в иллюминатор видно, как убирают трап. Обратного пути для меня не было, ведь если бы я отступил, я был бы слаб, и это означало бы то, что всё, о чём я мечтал, сплошная иллюзия, и то, от чего меня тянет в дрожь и вызывает рвотный рефлекс уже столько лет – мое будущее, моя реальность.

Я снова оказался маленьким мальчиком, который учился ездить на велосипеде и, упав на асфальт, разодрал все колени в кровь, но только ссадины сейчас были серьезнее, и зеленкой тут мне не отделаться. Как и тогда мне нужно было встать, как и тогда мне нужно закусить губу и снова сесть на сиденье, и так же как тогда, мне нужно было сломать в себе эту жалость к самому себе. Доказать в первую очередь себе, из какого ты теста, доказать и еще раз доказать, доказывать каждый день, потому что если ты докажешь это себе, остальные тебя просто не будут волновать.

В стеклянной колбе оставалось совсем немного, когда зашла медсестра и, подождав, когда жидкость исчезнет, заменила пустую колбу. Я так же молча лежал, стараясь не обращать внимания на присутствующих, которые рассказывали друг другу про свои болячки.

– Две подряд?! – возмутился парень, лежащий рядом. – Когда меня привезли, всего переломанного, я вообще сутки без препаратов пролежал, а этого уже к операции готовят, – указывая на меня, недовольно хмыкнул он.

Я повернулся к нему лицом и, заглянув в его глаза, увидел то, от чего мне стало как-то не по себе, это была зависть.

«Чему ты завидуешь?!» – вырывалось у меня из нутра, но я сдерживался, чтобы не сказать это вслух... Тому, что я хочу быстрее встать на ноги и отгородить себя от сочувствующих взглядов своих близких и знакомых?! Да будь моя воля, я бы уже сегодня уехал из этого дома терпимости!

Я смотрел в его глаза и видел ненависть к себе за то, что я не был таким как он, но как только я захотел заговорить, я увидел в них испуг, испуг от правды. В палату вошел врач и пара медсестер, и наш диалог не состоялся, оставив между нами множество не сказанного.

– Здравствуйте, – произнес начальник этого царства. И все как один поздоровались в ответ.

– Ну что, Сереж, сейчас будем тебя освобождать, – обратился он к моему возмущенному соседу. – А то ты у нас уже залежался.

– Как?.. Уже? – недоумевая, ответил он.

– Да, уже, – проговорил врач. – Пора, все сроки закончились.

– Вы уверены, что всё срослось? – продолжал он, создавая впечатление страха.

– Уверен, – отрезал доктор. – Не бойся, скоро будешь бегать.

Через секунду Сережу быстро увезли на отпаркованной кровати в коридор, за которым скрывалось его новое будущее.

Все оживились и продолжали травить друг друга историями, лишь одинокий араб у стены, молча, лежал с закрытыми глазами.

В палату вошла девушка в длинной бесформенной юбке и такой же блузке, поверх которой был накинута белый халат, её голова была покрыта длинным платком, из-под которого

выглядывали черные волосы, а в ее руке была тряпичная бледно-серая сумка, с оттянутыми под своей тяжестью ручками.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась она и быстро заняла место на стуле у кровати араба. Она что-то произнесла на непонятном мне языке, и все, кто услышал ее, тут же притихли.

Ее внешний вид совсем не вязался с моим городом, но он совершенно не портил её, а придавал ей что-то особенное. Она сидела ко мне в пол-оборота, всецело погрузившись в отрывистую беседу, и не обращала никакого внимания на присутствующих.

Араб разговаривал с ней практически шепотом, лишь немного приоткрыв глаза, в воздухе можно было легко уловить сухой тембр его голоса. Но их разговор нельзя было назвать душевной беседой, и вскоре непонятный мне язык стих, и араб снова закрыл глаза, а она принялась убираться вокруг кровати и на тумбочке.

Когда с уборкой было покончено, она с легкостью приподняла его, как тяжеловес поднимает штангу, и перевела кровать в сидячее положение, прошла в ванну и, намочив полотенце, оголила его по пояс. Быстрыми движениями она обтерла его, поменяла бельё, и с той же легкостью уложила его обратно.

Глядя на её действия, можно было понять, что она проделывала это не в первый раз.

Достав из огромной сумки термос, она принялась кормить его. Их суровые нравы и обычаи не позволяли этого делать, и он, что-то бурча себе под нос, пытался перехватить ложку своей ослабшей рукой и сделать это сам, но она не поддавалась, и вскоре он был сыт и чист.

Она была в нашей компании не больше часа, но оставила о себе очень приятное впечатление. Впечатление хорошей дочери, отличной жены и просто девушки, которая только своим присутствием помогает жить этому старику. С каждой минутой его лицо становилось живее, и тот серый оттенок, который я видел с утра, постепенно исчезал. Когда она ушла, он снова закрыл глаза и погрузился в сон, но уже не в тот, который я видел до этого, это был сон человека с будущим, выраженным на его лице легким румянцем.

Лежавшие напротив, проведя этот час практически в молчании, снова погрузились в разговоры. А мне ничего не оставалось делать, как ждать. Колбы с медицинским раствором уже давно были осушены, и время стало тянуться еще медленнее, словно передо мной поставили огромные песочные часы, намочив в них песок. Мне хотелось как можно быстрее закончить с этим, и я как замороженный смотрел на входную дверь, в ожидании, что вот, еще немного, и за мной придут. Но никто не приходил, и от этого становилось еще хуже.

В палату ввели измученного Сережу, который всем своим видом показывал перенесенные муки. После того как медсестра исчезла за порогом нашей комнаты, начался перекрестный блиц опрос.

– Серега, ну как ты? – начал самый взрослый из присутствующих.

– Не очень, – ответило страдальческое лицо Сергея.

– А почему не очень?! – возмутился первый. – Теперь ты сам на своих двоих передвигаться можешь.

– Пока нет, врач сказал, что вставать нельзя, мышцы пока слабые.

– Так, вставай, разрабатывай, – хмыкнул парнишка с дальнего угла, но его высказывание на какое-то время осталось без ответа.

Лица на этих трех койках перекосило возмущением и непониманием. Как же надо любить себя, чтобы так беречь, и в итоге всё равно оказаться в больничной кровати на два месяца. Или, наоборот, не любить, чтобы сейчас всем своим видом показывать, что единственное чувство, которое ты сейчас заслуживаешь, это жалость.

– Завтра, доктор сказал, что завтра, – не понимая или не желая понимать эти взгляды, дрожащим голосом ответил Сергей.

– Нуу... – протянул взрослый. – Завтра, значит завтра! – переглянувшись со всеми, высказал он и, вовлекая меня в эту беседу, тут же добавил:

– А ты, что думаешь?

– Ничего, – наблюдая за реакцией Сергея, сказал я. – Меня бы уже здесь не было.

– Вот и я о том же! – еще раз посмотрев на Серегу, глазами полными жалости, расхохотался этот предводитель сломанных ног, на что Сереже больше ничего не оставалось, как сделать вид, что этот разговор его не касается.

Он укутался одеялом и отвернулся к арабу, который все это время наблюдал. Это действие Сергея было оценено, и разговор тут же закончился.

Близился вечер, и за окном солнце начинало уходить в закат, приближая меня к хирургическому столу. Мне оставалось только догадываться, как это будет. Я включил телефон и увидел сообщения с несколькими неизвестными номерами. Кто это был, я узнал только на следующий день, тогда для меня это были просто цифры без имен, которые интересовались моим здоровьем.

Прочитав сообщения без подписи, я набрал домашний номер, и через пару гудков к телефону подошла мама:

– Алло, – услышал я её голос, как всегда спокойный и размеренный.

Слегка растерявшись, все-таки ожидая, что трубку снимет отец, я быстро протараторил свой ответ, стараясь не выдать себя подавленным голосом.

– Привет, мам, как у вас дела? Что делаете?

Звонки такого плана были очень не похожи на меня, и мама, не скрывая своего удивления, отвечала с паузами раздумий между слов:

– Привет... Все нормально... Ужинаем. А ты? У тебя всё нормально?

– Да, всё хорошо, я просто позвонил сказать, что я буду завтра в обед, – опережая последующие вопросы, ответил я, стараясь держать голос радостным.

– Хорошо, – произнесла она с нотками непонимания.

Разговор нужно было заканчивать, и как всегда я быстро форсировал все предстоящие вопросы.

– До завтра, мам. Пока. Отцу привет, – быстро попрощался я, зная, что это лучше, чем снова услышать: «Ты где?».

– Хорошо, передам. Пока, – сказала она всё тем же недоумевающим голосом, и я вновь услышал гудки.

Я нажал кнопку отбоя связи, и уже начал жалеть о том, что позвонил. Обмануть можно любого человека, кроме матери. У каждой из них существует какое-то непонятное нам, людям другого пола чувство, материнское чувство тревоги, которое лишь по взгляду или интонации голоса может определить, что у тебя проблемы. Я уже представлял, как ей хочется перезвонить мне, чтобы еще раз спросить, нормально ли всё у меня, но я знал, что она этого не сделает, в этом и была цель моего звонка.

«Ладно. Завтра будет день, и завтра буду думать, как объяснить им свой вид...» – пронеслось в моей голове. Сегодня видеть их переживания, и уж тем более видеть их здесь, я точно не хочу.

Я не заметил, как дверь в наше вечернее царство открылась, и в палату вошла медсестра. Обойдя каждого, и спросив как дела, подкрепляя свой приход таблетками, она так же тихо удалилась, оставив мои вопросы без ответа. Мое время тянулось как резина, все сильнее и сильнее, толкая меня на бегство из этого заведения, но мысль о том, что все, кто могут мне помочь – здесь, останавливала мои порывы.

Не выдержав, я вышел в коридор, в котором уже погасили свет, и прошел до стойки, за которой сидела та, молоденькая медсестра.

– Девушка, – обратился я к ней. – Про меня там не забыли? – нетерпеливо высказал я, оторвав ее от телефона.

– Странные вы люди, – улыбаясь моему раздраженному виду, приподнявшись, сказала она. – Что, так не терпится лечь под скальпель?

– А ты думаешь, мне приятно так ходить? – уже совсем не скрывая своего раздражения, продолжал я, готовый распрощаться с этим заведением.

– Думаю, нет, – понимая свою ошибку и изменившись в лице, встав в полный рост, ответила она и, опережая мое негодование, сразу добавила: – О тебе не забыли, операцию уже готовят, и в течение часа за тобой придут, так что жди.

– Спасибо, – выдавил я, пытаясь заглядить свой срыв улыбкой, но вновь нарвался на всеобщий режим.

– А ты сегодня хоть что-нибудь ел? – смотря на меня глазами старшей сестры, перевела тему временная хозяйка этих коридоров.

– Я... Нет, – вспомнив, что кроме двух стаканов чая из столовой в моем желудке ничего не было, неуверенно произнес я, понимая, что совсем забыл про чувство голода.

– Надо было есть с утра, – покачав головой, обеспокоилась она. – Теперь нельзя, так что иди, ложись и жди, скоро придут.

Вопрос вкусных обедов меня волновал в меньшей степени, и я проследовал в свои покои заниматься тем, чем занимался весь день, я проследовал ждать. Войдя в палату, в которой уже давно был погашен общий свет и горели ночники, я увидел, как молодой остряк играл в телефоне, мимикой своего лица повторяя всё то, что там происходило, а лежащий рядом с ним мужчина в гипсовых сапогах читал газету. Остальные вроде как спали или делали вид, но свет над их кроватями был погашен. Я опустил на свое ложе и долго вглядывался в белый, как чистый лист, потолок, разглядывая на нем тени, создаваемые моими соседями, но через несколько минут и их не стало. «Да...

– думал я, изучая это темное помещение... – странная гостиница для прокаженных, потолок которой видел множество обреченных взглядов. Если бы на этих стенах отображались все мысли постояльцев, хорошие – белым, а плохие – черным, то это место было бы еще мрачнее, чем есть на самом деле, и напоминало бы тучное темное здание, всем своим видом отпугивающее случайных прохожих».

Я лежал в полудреме и уже практически засыпал, как в палату ворвался свет из распахнутой двери. Кромешная тишина нарушилась скрипом колесиков от передвижной кушетки, которую втолкнула перед собой медсестра. Подъехав к моему пристанищу вплотную, она тихо скомандовала:

– Раздевайся и перебирайся, поедem лечиться.

– Да это лишнее, – прогоняя сонное состояние, ответил я.

– Такие правила, так что поторопись, тебя уже ждут в операционной, – тем же голосом скомандовала она.

Я подчинился еще одному правилу и, раздевшись, переполз на этот больничный транспорт, укрывшись простыней практически с головой. Медсестра вывезла меня в коридор, и ловко управляя этой колесницей, подкатила её к грузовому лифту.

Коридор был так же затемнен, как и вчера, лишь свет от лампы за столом сиделок освещал его, захватив части потолка и стен. Мы заехали в лифт, и свет практически ослепил меня. Из такого положения всё казалось немного другим. Мы остановились на нижнем этаже, и с той же легкостью моя провожатая вытолкала меня на этом ложе из лифта. Здесь все лампы работали на полную, ослепляли еще больше и заставляли оторвать голову, чтобы посмотреть внутрь длинного коридора. Светлый туннель неизвестности, который казался бесконечным, вынуждающий внутренний страх вырваться наружу и схватиться руками за все возможные предметы, попадающиеся у меня на пути. Своей безразличностью и монотонностью давя на

виски, так, что еще минута, и я бы вскочил на ноги и закричал: – Хватит! Это ваши правила, и они не для меня, дальше я сам!

Но моё путешествие кончилось быстрее, чем началось, и сестра быстрым движением припарковала мою кровать к стенке рядом с дверью.

– Жди, сейчас тебя заберут, – сказала она и пошла обратно в сторону лифта.

Я приподнялся и присел на край кровати, прикрывая себя простыней. За дверью послышались чьи-то голоса вперемешку с лязгом железных приспособлений, и только эти звуки давали мне понять, что я здесь не один. «Это не моё место, и мне здесь нужно оставаться как можно меньше... – проносилось в моей голове... – пускай такие, как мой сосед, обитают здесь хоть вечность, это их стихия, но никак не моя».

В конце коридора, словно из ниоткуда, показался силуэт в синей медицинской робе, таком же колпаке и белом халате поверх неё. Это был тот хирург, который осматривал меня и, увидев меня, он ускорил свой шаг.

Подошел ко мне вплотную, в его голосе послышалось явное раздражение:

– А почему ты здесь?! Почему не внутри?! – смотря на меня, возмутился он и, не дождав-
шись ответа, распахнул дверь операционной.

– Вы тут совсем расслабились? – повышенным тоном обратился он к тем, кто был внутри. И дернув за край кровати, тем самым чуть не скинув меня, показал её угол присутствующим.

– А что такое? – прозвучал не совсем приятный женский голос.

– А вы не видите?! – уже совсем не скрывая своего раздражения, выкрикнул он. – Так выйдете и посмотрите!

– Сколько ты уже здесь? – перевел он взгляд на меня.

– Меня сестра только привезла, – не особо понимая, в чем дело, сказал я. – Не всё ли равно, где ждать, здесь или за дверью.

– Это не тебе решать! – переключая свою ярость, блеснул своими серыми глазами разъяренный врач, но встретив такой же блеск в моих, тут же осекся. – Ты их не выгораживай, – понизив тон, уже оправдывался он. – Правила есть правила, а они на них плюют.

Из-за его спины выглянула женщина лет тридцати, с удивленными большими глазами.

– А нам не сказали, что его уже привезли, – оправдательно проговорила она, покачивая головой.

Доктор окинул её осуждающим взглядом и уже более спокойно продолжил:

– Ну что? Так и будем стоять?! Или прикажете мне его завести!? – Сестра молча прошла в конец моего ложа и, указав мне головой, чтобы я принял горизонтальное положение, взялась за ручки моего экипажа.

Мы вкатились вслед за врачом в такое ожидаемое и не совсем приятное место, называемое операционной.

Внутри находились еще две медсестры, готовившие всякие медицинские приспособления, стерилизуя их в ванночках и укладывая на поднос, и врач в зеленом хлопковом комбинезоне, готовивший шприцы с непонятной мне смесью. Хирург медленно подошел к нему и прошептал что-то на ухо, тот окинул меня беглым взглядом и продолжил наполнять шприц жидкостью. Сестра провезла меня через весь зал и подвезла к столу, который стоял в центре, окруженный яркими прожекторами.

Скомандовав: – Перебирайся! – она подождала, когда я перелезу на этот стол, и отвезла мою перевозку за дверь. Я уселся в центре стола и наблюдал всю эту суматоху со стороны.

Внутри меня включился тот маленький мальчик, который только что расшиб ноги в кровь, и ему сейчас начнут мазать их зеленкой. Тревога и слова:

«Побыстрее бы!» кружились в моей голове вперемешку с картинками из детства, где мама бежит, ищет бинты и вату, а я, молча, наблюдаю за всем этим действием со стороны. Да, я

знаю, что сейчас мне будет больно, да, я помню, что будет щипать и жечь, но это уже не важно, и я не выдам этого страха, ведь если дать ему тобой завладеть, то всё потеряно.

Ко мне подошел мужчина в зеленом комбинезоне, как потом выяснилось – анестезиолог, и провел краткий курс того, что он сейчас будет делать. Звучало это довольно просто, чем было на самом деле, да у них вообще, со слов, всё просто.

– Найдем твой нерв вот этой иглой, – указывая на конусную иглу, сантиметра два в длину, томным голосом проговорил он. – Как прострелит, я введу туда наркоз и отключу чувствительность твоего предплечья и руки.

– Готовься, – хлопнув в ладоши и указывая на верх стола, вмешался хирург.

Я удобно улегся, насколько это было возможно сделать на жестком и холодном операционном столе, и закрыл глаза.

«Вот... Еще немного... Еще самую малость... И всё кончится!» – пронеслось в моих мыслях, и я даже улыбнулся самому себе, но уже знакомый голос вновь вернул меня в это кафельное помещение.

– Глаза-то открой! – оборвал мою темноту анестезиолог. – Нам нужно видеть, что ты в сознании.

Резкий свет хирургических прожекторов ослепил меня и заставил искать место на потолке, на которое можно было смотреть, не щурясь.

Мысли бегущей строкой пробегали у меня в голове, я не мог уловить их значение, улавливая лишь их окончание, в воздухе витал спиртовой запах медикаментов, и всё вокруг стало казаться мне нереальным.

Такая же резкая боль, как и ослепляющий меня свет, пронзила мою шею, вмиг сбив мое ровное дыхание, и это означало, что все началось. Острая, кричащая боль, которую надо было стерпеть и не выдать.

Анестезиолог начал искать заветный нерв, что отвечал за мою левую сторону, и эти поиски показались мне вечностью. Вонзал иглу в новые и новые места, у меня создавалось впечатление, что он там что-то рисует, и этот рисунок был огромен.

С периодичностью в секунду спрашивая меня: Есть прострел? – он всё глубже и глубже протыкал мою шею, прокручивая иглой как отверткой в стене, но прострелов не было, и он продолжал искать.

Это продолжалось минут десять, и мои ответы: «Нет!» – давались мне всё труднее и труднее. Уже не обращая внимания на них, он начал следить за рукой в надежде, что на моё «нет!» она все же дернется и покажет ему «да!», но это не происходило. Из-за его спины раздался возмущенный голос хирурга.

– Ты еще не устал? – спросил он его, подходя к нам ближе и свесившись надо мной.

– Нет, мне уже и самому интересно, его найти, – ответил тот, продолжая ковыряться в моей шее с болезненным азартом в глазах.

Хирург отступил назад, и все продолжилось снова.

– Вот он! – через мгновение воскликнул этот недоучка, смотря на то, как моя рука подергивается.

В ответ мои глаза говорили всем присутствующим: «Нет!», но это мало кого волновало, и он, шприц за шприцом, начал вливать в меня наркоз, который с той же силой выплескивался обратно.

– Хватит! – останавливая всё это безумство, прокричал доктор и, схватив этого безумца за руку, скомандовал: – Сестра, готовьте общий наркоз, пора начинать.

Через секунду возле меня возникли аппараты с всевозможными проводами и датчиками, к которым меня начали присоединять с размеренной последовательностью. Все медсестры выполняли свою работу, четко зная, кто, что должен делать, и лишь раздосадованный анесте-

зиолог, отойдя в сторону, что-то бурно выговаривал моему спасителю. Еще секунда и я был подключен к этим железным квадратным наблюдателям.

– Ну, а теперь поспи, – как-то по-отечески проговорил доктор, надевая маску на моё лицо. – Скоро всё кончится.

Снотворный газ начал проникать в мои легкие с быстротой размеренных вдохов, и бороться с ним уже не было никакого смысла, да и сил мне оставалось лишь на то, чтобы закрыть глаза как можно крепче. Я погрузился в самый что ни на есть глубокий сон, который поглотил меня и растворил в себе.

Я чувствовал, как просверливают мои кости, как вкручивают в них болты, я чувствовал всё, что происходило со мной, но это было настолько неважным и отдаленным, что можно было даже испугаться такому безразличию.

Мне снился сон, как и тогда я помню его практически наизусть, и он завладевал мной всё больше и больше, сон, в котором я падал всё дальше в непонятную черную бездну, из обрывков воспоминаний и знакомых мне лиц. Меня словно кто-то тащил за ноги вниз, а я, пытаюсь ухватиться руками за воздух, отчаянно сопротивлялся всему этому карнавалу обрывков памяти. Родители, друзья, знакомые – все их лица кружились вокруг меня, создавая водоворот, и каждый из них пытался что-то сказать мне, но, не успевая, сменялся следующим. Это был очень странный ночной сеанс, на который я попал случайно, и мне было оставлено место в главном ряду.

Но вдруг резко всё изменилось и стало черным – ни лиц, ни голосов, ничего вокруг, лишь крошечная тьма и безумно спокойная тишина. Единственный голос, который доносился издали, становился всё ближе и ближе, постепенно перерастая в крик.

– Дыши! Дыши! Дыши! – слышал я уже отчетливо, но не мог сделать и глотка. Я словно ныряльщик, переоценив свои силы, нырнул так далеко, где никогда не был и, растерявшись, остановился. Голос же становился слышен всё отчетливей – громкий голос моего друга, который уже давно перешел в крик, начал сопровождаться звоном в ушах.

На тот момент мне показалось, что прошла целая вечность в этом свободном падении, но это были лишь секунды.

– Дыши! Дыши! – слышал я снова и снова, и тот я, который был заперт в черноте своего сознания, начал карабкаться вверх, отталкиваясь от чего-то нереального и невидимого. Хватка, которая меня тянула вниз, начинала постепенно ослабевать, и я всё быстрее и быстрее взбирался вверх к чему-то доброму и такому родному, что это чувствовалось всеми частицами моего тела.

Всё кончилось практически так же, как и началось, только спокойные лица вокруг меня, когда я засыпал, сменились тревожными. Я очнулся от ударов ладонями по моему лицу, и из последних сил пытался открыть глаза, чтоб поймать эти руки. Но тело не слушалось, и мне оставалось лишь смотреть сквозь узкие прорезы глаз на всех этих возбужденных врачей.

С пониманием, что я пришел в сознание, по операционной пронеслась череда вздохов облегчения и радостных возгласов.

– Слышишь меня? – склонившись над моей головой, произнес доктор, чье лицо покрывали капли пота. – Ты меня слышишь?

В моих ушах стоял безумный звон, но я смог расслышать его вопрос и кивнул ему в ответ.

– Всё кончилось, – выдохнув, продолжил он, осуждающим взглядом посмотрев в сторону анестезиолога. – Сейчас тебя отвезут в палату, постарайся час не спать. С тобой посидит сестра.

Не понимая, что он хочет этим сказать, я продолжал кивать, пытаясь вытащить себя из этого коматозного бреда.

Быстро отсоединив меня от этих коробок, к моему столу припарковали перевозную кровать, на которой меня привезли. Медсестра помогла мне перебраться обратно и, укрыв меня простыней, вывезла из операционной.

Что со мной произошло той ночью, мне поведали только с утра и то намеками, и после того, как я восстановил весь этот драматичный спектакль в своей голове.

Меня оттранспортировали обратно, всю дорогу пытаюсь разговорить меня, но мои глаза так и хотели закрыться. Ощущение, будто я не спал целую вечность, нахлынуло на каждый сантиметр моего тела, но я следовал советам врача и отчаянно сопротивлялся.

Вокруг ничего не изменилось, всё те же коридоры, всё тот же лифт, все оставалось таким же, как и на пути сюда, только изменилось моё понимание всего этого дома для недугов. Врач был прав, всё кончилось, осталось только встать на ноги, распрямить спину и выйти из этого храма беспомощных. Везущая меня сестра пыталась завязать со мной какой-то разговор о том, откуда я, как такое со мной приключилось, лишь бы держать меня в сознании, и я неохотно отвечал ей, в следующую секунду забывая предыдущий вопрос.

Транспортировав меня в палату, она помогла мне перебраться обратно в койку, включила ночник и весь час просидела рядом, так и не дав мне уснуть. Я даже не заметил, как она ушла, закончив свои расспросы и выключив свет; я уснул, даже не сказав ей спокойной ночи. Я больше никогда её не видел, и наутро с трудом вспоминал её лицо, но она оставила о себе хорошую память и самые приятные воспоминания.

Каждое больничное утро похоже одно на другое, меняется только дата в календаре, погода за окном и постояльцы.

Меня разбудили очередные утренние разговоры моих соседей, и лучи уже теплого солнца, проникающие через окно, окончательно открыли мои глаза. Я стащил с себя одеяло, приподнялся и, разглядев себя, понял, что в принципе ничего не изменилось, только перевязка из бинтов сменилась жесткой ортопедической повязкой. Оглядев присутствующих, я вскочил на ноги и прошел до припалатной ванны, быстро умылся одной рукой и вышел в коридор, направляясь к кабинету моего лечащего врача. Я застал его практически на выходе и, увидев меня, он заулыбался. Быстро выписав мне направление на рентген, он всем своим видом показывал, что торопится, но у меня были вопросы без ответа, и я с удовольствием их задал.

– Что со мной случилось ночью? – забирая лист с направлением, спросил я, вспоминая его запотевшее лицо.

– Ничего особенного, – отведя глаза, быстро проговорил он. – Такое бывает, редко, но бывает – анестезиолог перестарался с наркозом.

– Ясно, – не понимая, что значит слово «перестарался», удивился я.

Словно зная, о чем я спрошу его дальше, он тут же постарался перевести тему.

– Сейчас у тебя всё в порядке? – заинтересовано вглядываясь в меня, пробормотал он.

– Не совсем, – еще поднявшись с кровати, я понял, что все тело ломит. – Я не чувствую руки.

– Это нормальное послеоперационное явление, к обеду отойдет, – ответил он, улыбаясь, и, указывая мне на часы, добавил: – Мои рабочие сутки закончились еще вчера, так что, поторопись, сделай рентген и обратно ко мне.

Я торопился не меньше его, и уже через двадцать минут я снова стоял перед ним со снимками в руках.

– Всё отлично, – прислонив снимок к окну, гордо произнес он. – Всё отлично встало на свои места, – радовался он проделанной работе и, отложив снимки в сторону, взглянул на меня: – У нас останешься или будешь писать отказной?

– Буду писать, – ответил я, радуясь, что еще немного, и я буду по ту сторону этого здания.

– Силен, – посмотрев на меня с непонятным мне уважением, хмыкнул он. Тогда иди и собирайся, а я пока подготовлю все документы.

Не веря тому, что всё кончилось, я выскочил из кабинета, сияя всем прохожим своей улыбкой.

Зайдя в палату, я обнаружил всё ту же картину, с теми же лежащими персонажами. При виде меня они оживились.

– Как прошло? – спросил самый взрослый, лежащий посередине.

– Хорошо, – ответил я, уже сидя на своей кровати и достав телефон.

– С тобой вчера всю ночь сестра сидела, это хорошо? – пытаюсь получить отрицательный ответ, продолжал он.

– Это нормально, – резко встав, я прошел обратно к выходу, понимая, что здесь поговорить мне не удастся.

В воздухе повисла секундная тишина, и за закрытой за собой дверью я услышал:

– Неделью, точно, с нами пролежит, – прозвучал убедительный голос Сергея. – В таком виде о доме можно забыть.

Я набрал телефон Олега и сказал, что через час буду ждать его внизу, на что услышал лишь его: «Хорошо». Незаметно ко мне подошел врач, уже переодетый в уличную одежду, с портфелем и моими бумагами в руках.

– Собрался? – все так же улыбаясь, произнес он, похожий в этой одежде на банковского служащего. Он оказался моложе, чем я думал, и его холеный вид, с густой шевелюрой и аккуратной бородкой, был отличным дополнением такого наряда.

– Нет, за мной заедут только через час, – ответил я, собираясь задать вопросы о моём будущем, но он меня опередил.

– Я оставлю бумаги у дежурной медсестры, – сказал он, всем своим видом показывая, что опаздывает. – Она тебе всё объяснит и даст мой номер телефона, на всякий случай. Выздоравливай, и больше не падай.

Мы обменялись рукопожатием, и он удалился дальше по коридору, а я пошел собирать свои вещи.

– Ты куда? – возмутился Сергей, глядя на то, как я укладываю тренировочный костюм обратно в пакет и натягиваю комбез.

– Домой, я же сказал, что я тут ненадолго.

– Как? Отпустили? – продолжал недоумевать он.

– А я и не спрашивал, – уже не скрывая своего смеха, сказал я, оглядывая свое ночное пристанище.

– Как не спрашивал? Разве так можно?

– Можно, и даже нужно, – оглядев всех присутствующих гордым взглядом, произнес я, и уже рядом с открытой дверью добавил: – Всем удачи, прощайте, даст бог, НЕ свидимся.

То, что происходило за закрытой за мной дверью, меня уже мало волновало, и их приоткрытые рты еще долго смешили меня, но это был их выбор, и он тоже нуждался в понимании.

Нашел медсестру за ее стойкой, мы с ней быстро решили всю бумажную волокиту и, накинув на плечи олимпийку, чтобы не привлекать взгляды присутствующих, я спустился вниз и нашел место на лавочке возле входа. Складывалось такое впечатление, будто бы ничего и не было, и всю эту историю я увидел в утренних новостях по телевизору, а сюда приехал кто-нибудь навестить. Лишь немая боль во всем теле напоминала мне о последних сутках. Мне оставалось последнее: правильно рассказать обо всем родителям, которые до сих пор думают, что со мной всё в порядке. Меня подлатали, и теперь все зависело от меня самого, и мне оставалось лишь побороть всю любовь к себе и снова встать на ноги, чтобы быстрее окунуться в те незабываемые ощущения свободы, которые хоть и привели меня сюда, но уже основательно заняли своё место в моей голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.